ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНАЯ УТОПИЯ

The Long Utopia

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ НИЛА ГЕЙМАНА
И ЗВЕЗДА БРИТАНСКОЙ НФ

Бесконечная земля

Терри Пратчетт

Бесконечная утопия

«Эксмо»
2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Бесконечная утопия / Т. Пратчетт — «Эксмо», 2015 — (Бесконечная земля)

ISBN 978-5-04-099781-7

Спустя три десятилетия странствий по Долгой Земле прирожденный путник Джошуа Валиенте все еще не исчерпал ее чудес. Под другим небом, в другой вселенной он рассчитывал взять одиночный творческий отпуск. Но вынужден снова «вальсировать» от неприятностей с ускоряющейся Земли в поиске нового дома.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099781-7

© Пратчетт Т., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 29
Глава 7 33
Глава 8 36
Глава 9 41
Глава 10 46
Глава 11 49
Глава 12 54
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Терри Пратчетт
Бесконечная утопия

© М. Максимова, Н. Луц, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Лин и Риане, как всегда.
Т. П.

Сандре
С. Б.

Глава 1

Февраль 2052, удаленные области Долгой Земли

В другом мире, под другим небом, в другой вселенной, чье удаление от Базовой Земли человечества, тем не менее, было подсчитано в переходах, у костра лежал Джошуа Валиенте. На дне долины с ворчанием и сопением охотились хищники. Бархатную фиолетовую ночь оживляли насекомые, пронзали невидимые букашки и мошкара, словно камикадзе, устремляясь на каждый открытый участок тела Джошуа.

Джошуа находился здесь уже две недели и не узнавал ни одной проклятой твари в этом мире. Да он и не имел точного представления, где находится, как географически, так и по переходам. Не позаботился сосчитать Земли, через которые двигался. Точное местоположение не так уж и важно, когда ты в одиночном творческом отпуске. Видимо, даже после трех десятилетий путешествий по Долгой Земле он не исчерпал ее чудес.

Это наталкивало его на разные мысли. В нынешнем году Джошуа стукнет пятьдесят. Подобные юбилеи заставляют человека размышлять.

– Почему все должно быть так странно? – спросил он вслух. Он на планете один, так какого черта не говорить вслух? – Все эти параллельные миры и прочая фигня. Для чего все это? И почему это все случилось со мной?

И почему у него опять начинает болеть голова?

Так уж вышло, что ответы на некоторые из вопросов таились здесь: и в странной географии Долгой Земли, и глубоко в прошлом Джошуа. Например, вопрос подлинной сущности Долгой Земли начал частично раскрываться еще в июле 2036 года в Верхних Меггерах.

* * *

Все время, пока они жили в Нью-Спрингфилде, то есть считаные годы, Касси Паульсон всеми силами старалась забыть, на что она наткнулась, когда копала погреб летом тридцать шестого.

Касси не знала, что думать об этом новом мире, когда прибыла туда всего годом ранее. Не то чтобы она сомневалась в своих способностях обустроить дом или создать семью здесь, в малоисследованных дебрях Долгой Земли. Или в своих отношениях с Джебом, таких же прочных и настоящих, как железные гвозди, которые он уже ковал в своей кузнице. Не сомневалась она и в людях, с которыми они прошли весь путь, эпический марш-бросок за миллион с лишним переходов от Базовой, в поисках нового дома в одном из множества миров, открытых всего несколько лет назад Джошуа Валиенте во время исследования Долгой Земли на самом первом твене.

Нет, проблема в первую очередь заключалась в самом мире, во всяком случае поначалу. Запад-1217756 представлял собой сплошной лес. Ничего, кроме леса. Абсолютно чуждая обстановка для девушки, выросшей в основном в Майами-Запад-4, который в те дни считался практически пригородом родительского города на Базовой.

Когда пролетел первый год, стало легче. Касси, к своему восторгу, узнала, что здесь нет смены сезонов – ни лета, которое превращало Майами-Запад-4 в раскаленную духовку, ни зимы. О погоде можно было не беспокоиться, она никогда не досаждала. В то же время, кроме москитов и других кусачих насекомых, в этом лесу не было ничего, способного причинить вред, – ничего страшнее напуганного пушистика, который мог цапнуть за палец. Если держаться подальше от рек, где таились крокодилы, и от гнезд больших птиц.

Кроме того, стало легче, когда они с Джебом расчистили достаточно земли для первых посадок: пшеницы, картофеля, салата и свеклы. Куры, козы и свиньи начали давать приплод, а Касси с Джебом заложили фундамент собственного дома.

Да, все шло хорошо до того дня, как Джеб заявил, что им нужен погреб.

Все знали, что погреб – разумная предосторожность, и как хранилище, и как убежище от торнадо и бандитов с переходниками. Хотя Джеб и соседи не ожидали каких-то проблем, но как знать, не помешает выкопать погреб, прежде чем заводить семью.

И вот Касси рыла землю бронзовой лопатой, которую пронесла с собой всю дорогу от Майами-Запад-4, пока Джеб с другими охотниками в очередной раз гонялся за большой птицей. Работа была нетяжелой. Землю уже освободили от деревьев и выкорчевали корни, а Касси была сильной, закаленной пешими переходами и расчисткой земли. Когда миновал полдень, грязная и вспотевшая Касси уже выкопала яму глубже своего роста.

И тут вдруг лопата пробилась в пустоту, и Касси стала падать вперед.

Она удержалась на ногах, шагнула назад и, сделав глубокий вдох, присмотрелась. Она проломила стену нового погреба. С той стороны было темно, как в пещере. Касси не знала животных, способных вырыть такую большую и глубокую нору. Местные пушистики обитали в норах, но никто не видел пушистика крупнее кошки. Тем не менее, если никто не видел такого зверя, это не значило, что он не существовал, и, скорее всего, ему не нравилось, когда его тревожат. Надо было выбираться отсюда.

Но день выдался спокойным. Всего в нескольких ярдах болтали соседки, попивая лимонад. Касси чувствовала себя в безопасности.

И в ней вспыхнуло любопытство. Это было что-то новенькое в бесконечном неизменном лете Нью-Спрингфилда. Наклонившись, она вгляделась в дыру в стене.

На нее смотрело какое-то лицо.

Размером как у человека, но не человеческое. Какое-то насекомоподобное, подумала она, вроде блестящей черной скульптуры, с фасеточным глазом, похожим на виноградную гроздь. И половину лица закрывал серебристый металл – маска. Все это Касси успела разглядеть за одно мгновение, пока ее охватывал шок.

Она с воплем отшатнулась, а когда посмотрела опять, лицо в маске исчезло.

Джозефин Барроу, одна из соседок, заглянула сверху:

– Дорогая, ты в порядке? Попала лопатой по ноге?

– Поможешь выбраться? – Касси подняла руки.

Когда она вылезла из ямы, Джозефин сказала:

– Ты будто привидение увидела.

Да, увидела – что-то.

Касси оглядела свой дом, почти готовый, можно накрывать постоянной крышей; поля, расчищенные под посадки, и яму для песочницы, в которой когда-нибудь будет играть их малыш… Весь труд, вложенный в это место. Всю любовь. Она не хотела это бросать.

Но также не хотела иметь дело с тем, что пряталось в той норе.

– Надо это прикрыть, – сказала она.

– После того, как ты вложила столько труда? – нахмурилась Джозефин.

Касси быстро соображала.

– Я наткнулась на грунтовые воды. Для погреба здесь не место. Когда-нибудь выкопаем колодец.

У задней стены дома лежали неструганые доски.

– Помоги.

Она принялась укладывать их поверх ямы.

Джозефин удивленно смотрела на нее.

– Почему бы просто не засыпать?

Потому что это займет слишком много времени. Потому что она хотела хорошенько спрятать яму, пока не вернулся Джеб.

– Потом засыплю. А сейчас просто помоги, хорошо?

Джозефин странно посмотрела на нее.

Но все равно помогла, и к возвращению Джеба Касси уже засыпала доски землей и лесной подстилкой, и заметить, что тут была яма, стало уже невозможно. Она даже начала копать второй погреб с другой стороны дома.

К вечеру, когда они ужинали на крыльце, Касси Паульсон почти забыла, что вообще видела это лицо в маске.

Несколько лет спустя, март 2040 года, Майами-Запад-4

Впоследствии историки Следующих согласятся, что только по чистому совпадению Стэну Бергу суждено было родиться в Майами-Запад-4, в последовательном городе Ближней Земли, где выросла Касси Паульсон. Касси Паульсон, в хозяйстве которой в Верхних Меггерах впервые была замечена аномалия – аномалия, которая в итоге определит короткую жизнь Стэна Берга и многое другое. Странное, но всего лишь совпадение.

Разумеется, в год рождения Стэна город начал кардинально меняться, когда хлынула первая волна беженцев с Базовой Америки после взрыва Йеллоустона. К восьмилетию Стэна переполненный, незаконный и хаотичный лагерь взяли под контроль правительство с корпорациями и превратили в отменную стройплощадку. К одиннадцатому дню рождения Стэна над южным горизонтом появилась новая «звезда» – не настоящая звезда, а орбитальная станция строящегося космического лифта, который спускался к местной версии Флориды. Его возводили наспех нанятые бобовые джеки, в число которых к тому времени входили и родители Стэна.

Но какие бы потрясения ни расцвечивали юную жизнь Стэна, ничего странного не было в любви, переполнявшей его мать Марту с того момента, как она впервые взяла малыша на руки. И со своей стороны мать не видела ничего необычного в явной любознательности и не по возрасту умном взгляде, с которыми Стэн изучал изменяющийся мир с момента своего появления на свет.

* * *

Джошуа Валиенте всегда воспринимал рассказы Билла Чамберса о джокерах скептически. Но впоследствии он осознал, что если бы уделил им больше внимания и чуть глубже поразмыслил над болтовней Билла, у него раньше появились бы подсказки к тому, что все это значит. Например, еще в 2040 году – том самом, когда родился Стэн Берг, – во время путешествия на дирижабле в Верхние Меггеры гораздо дальше Нью-Спрингфилда Билл рассказывал о джокере, который он назвал Биток.

Джошуа и сам мельком видел этот джокер. На самом деле его открыли они с Лобсангом в своем первом походе в глубины Долгой Земли. Этот мир угнездился среди относительно спокойных миров, которые называли Кукурузным поясом. Тогда Джошуа впервые узнал, что значит это слово.

– Джокеры, – сказал тогда Лобсанг. – Миры, которые выбиваются из закономерности. Вообще-то закономерность есть, но эти исключения нарушают общие тенденции: джокеры в колоде, как называют их ученые Долгой Земли…

Джошуа уже видел много таких миров, хотя и не подобрал для них термина. Этот джокер походил на бильярдный шар: абсолютно гладкая бесцветная земля под безоблачным синим небом.

Но хотя Джошуа лично видел это место, у него хватало ума не принимать байки Билла за чистую монету. С Биллом Чамберсом они были ровесниками и вместе выросли в Приюте в Мэдисоне, штат Висконсин. Билл был другом, соперником, источником проблем – и всегда неисправимым лгуном.

– Я знаю одного парня, который слышал от другого парня… – сказал Билл.

– О господи.

– Короче, тот на спор заночевал на Битке. Всего на ночь. Один. Как ты. Голый. Это тоже было частью спора.

– Не сомневаюсь.

– Утром он проснулся с адским похмельем. Пить в одиночку – дурное дело. Этот парень, кстати, был прирожденным путником. И вот он с похмелюги собрал свои манатки и перешел – и в процессе вроде как споткнулся.

– Споткнулся?

– Ему показалось, что он перешел как-то не так.

– Что? Как? Что ты вообще имеешь в виду?

– Ну мы в норме переходим на запад или на восток, правильно? Есть обходные пути, есть слабые места, если их найти, но, в общем, и все…

Переход: до Дня перехода весь мир вращался вокруг человечества. Внезапно, если дать себе труд сделать переходник, незамысловатый электрический прибор, – а некоторые, вроде Джошуа, в этом даже не нуждались, – стало возможным шагнуть из старой реальности, из одного мира в другой, почти такой же, но заросший непроходимыми лесами и кишащий дикими животными, ибо только на изначальной Земле человечество эволюционировало и имело возможность обустроить свой мир. Целые планеты всего в нескольких шагах. Можно сделать еще переход и еще, в любую сторону, на запад или восток. Если у Долгой Земли, как стали называть эту цепь миров, и был конец, то его еще не обнаружили. После Дня перехода все изменилось для человечества, для самой Долгой Земли и в особенности для Джошуа Валиенте.

Но даже у Долгой Земли есть свои законы. По крайней мере, Джошуа всегда так думал.

– …Короче говоря, он почувствовал, что перешел как-то иначе. Перпендикулярно. Типа на север.

– И?

– И оказался в каком-то совсем другом мире. Там была ночь. Чистое небо, никаких звезд. Ну в привычном виде. Вместо наших звезд…

– Твоя манера рассказывать, Билл, иногда действует на нервы.

– Но тебе интересно, правда?

– Продолжай. Что он там увидел?

– Он увидел все звезды. Разом. Всю Галактику целиком, мать ее, Млечный Путь. Увидел снаружи.

Снаружи Галактики. В тысяче световых лет от Земли – от любой Земли…

– Стоял голый и смотрел, – сказал Билл.

* * *

Джошуа решил, что это проблемы стригалей. Они были такими болтунами. Наверное, слишком много времени оставались в одиночестве.

Но, вспоминая об этом в феврале 2052 года, он понял, что даже Лобсанга считал болтуном, хотя и болтуном поистине космического масштаба. Эх, надо было слушать Лобсанга, когда была такая возможность.

Теперь слишком поздно, Лобсанг мертв.

* * *

Джошуа был там, когда это случилось, поздней осенью 2045 года.

Вместе с Салли они ждали у двери Приюта в Мэдисон-Запад-5. Сгущались сумерки, на улице загорались фонари.

Салли была в своей обычной походной одежде: безрукавке с множеством карманов, сверху непромокаемый комбинезон, на спине легкий кожаный рюкзак. Как всегда, она выглядела так, будто готова в любой момент сорваться с места. И чем дольше сестры заставляли ждать у этой проклятой двери, тем более вероятным это становилось.

Джошуа попытался ее упредить.

– Будь проще. Поздоровайся. Все здесь хотят увидеть тебя, сказать спасибо за то, что ты сделала для Следующих. Уволокла тех суперумных ребят из Перл-Харбора…

– Джошуа, ты меня знаешь. В наши дни на Ближних Землях не протолкнуться. И места вроде этого… Этот Приют, где тебя держали взаперти ради твоего же блага. Мне плевать, Джошуа, был ли ты счастлив здесь с этими пингвинами или нет.

– Не называй их пингвинами.

– Как только мы здесь управимся, я пойду напьюсь вдрабадан, и поскорее…

– Тогда тебе понадобится что-то покрепче нашего сладкого хереса. – Сестра Иоанна тихо отворила дверь. Она улыбалась. – Входите.

Салли довольно любезно потрясла руку сестры.

Джошуа пошел за ними по коридору в здание, которое было для него жуткой реконструкцией того Приюта, где он вырос, давно разрушенного ядерным взрывом в Базовом Мэдисоне.

Сестра Иоанна склонила к Джошуа голову в накрахмаленном апостольнике.

– Ты как?

– Хорошо. Тут все здорово сбивает с толку.

– Знаю. Запах не тот, правда? Что ж, дай мышам несколько десятилетий, и они сделают все как надо.

– И ты. Ты теперь здесь заправляешь! Для меня ты всегда будешь просто-напросто Сарой.

– Которую тебе пришлось спасать из леса в День Перехода. Когда возвращаешься сюда, кажется, что мы все вдруг повзрослели?

– Ага. Как по мне, настоятельница должна быть внушительной и старой…

– Старой, как я? – Сестра Агнес ждала их в дверях приемной, шикарной комнаты, где сестры всегда встречали посетителей.

Как ни странно, Агнес сейчас выглядела моложе сестры Иоанны. Очутившись в ее объятиях, Джошуа уловил лишь слабый намек на искусственность, излишнюю гладкость щеки, которую поцеловал, и тревожное, почти подсознательное ощущение суперсилы под ее практичным, немного заношенным одеянием. После смерти Агнес Лобсанг вернул ее к жизни: загрузил ее воспоминания в копию-андроида, напевая при этом буддистские молитвы. Джошуа воспринял это так, словно кто-то превратил женщину, заменившую ему мать, в робота-терминатора. Но он давно знал Лобсанга и научился видеть дух внутри машины. Как с Лобсангом, так теперь и с Агнес.

Он просто сказал:

– Привет, Агнес.

– И Салли Линдси.

Салли она обнимать не стала, ограничившись слабым рукопожатием.

– Я так много о вас слышала, мисс Линдси.

– Я тоже.

Агнес пристально, даже с вызовом, осмотрела ее, прежде чем отвернуться.

– А как твоя семья, Джошуа? Какая жалость, что ты в разлуке со своим маленьким мальчиком.

– Не таким уж маленьким, – ответил Джошуа. – Ну, Агнес, ты же меня знаешь. Я неприкаянная душа. Половина меня всегда стремится прочь, в Долгую Землю.

– И все же сейчас ты дома. Заходи, присоединяйся…

В привычных мягких креслах, некоторые из которых были подлинными, взятыми из старого Приюта на Базовой, бок о бок сидели Нельсон Азикиве и Лобсанг.

Лобсанг или, по крайней мере, его передвижной аватар, босой, с обритой головой, в своем фирменном оранжевом облачении. Салли коротко представили Нельсону. Бывшему священнику родом из Южной Африки перевалило за пятьдесят, он был одет относительно неброско, в костюм с галстуком. Эти двое, столь непохожие друг на друга, держали китайские чашки с чаем и блюдца с кусочками торта. Рядом суетилась, прислуживая, сестра помоложе, которую Джошуа не узнал.

Здесь же была и кошка Шими. Она оказала милость Джошуа, потершись о его ноги, и уставилась на Салли зелеными светодиодными глазами.

Когда Джошуа с Салли уселись, Агнес присоединилась к кружку, а сестра Иоанна со своей молодой компаньонкой принесли еще чая и торта.

– Что ж, это была моя идея, Джошуа, – сказала Агнес. – В этот момент относительного затишья – сейчас как-то улеглась недавняя глобальная паника по поводу суперумных детей, которые намерены нас уничтожить, я решила вызвать сюда Лобсанга и наконец собрать его друзей.

– Друзей? – нахмурилась Салли. – Вот кем ты нас считаешь, Лобсанг? Мы для тебя скорее игорные жетоны. Десятицентовики для игрового автомата судьбы.

Нельсон усмехнулся.

– В точку, мисс Линдси. Тем не менее мы все здесь.

– Друзья, – твердо сказала Агнес. – Что еще есть в жизни, кроме друзей и семьи?

Лобсанг спокойно, даже невозмутимо, произнес:

– Сейчас нарушители спокойствия – твоя семья, Салли. По крайней мере, твой отец со своими идеями новых космических разработок.

– Ах да, милый старый папа мечтает открыть дорогу в космос с помощью марсианского бобового стебля. Прямой путь к массовой индустриализации.

– Уиллис Линдси по-своему мудр. Мы должны отстраивать все заново, с того уровня, на который скатились после Йеллоустона. Насколько возможно быстро и аккуратно, и космические лифты предоставят такую возможность. И вообще, когда-нибудь нам придется конкурировать со Следующими.

– Лобсанг, что тебе известно о Следующих? – спросил Нельсон. – Я знаю, что они как-то контактировали с тобой. Ты не все рассказал людям?

– Знаю только, что они ушли. Все эти гениальные дети, что появлялись по всей Базовой, по всей Долгой Земле, – следующий этап человеческой эволюции, – которых наше правительство поймало и посадило в клетку на Гавайях. Ушли в место, которое они называют Фермой, это где-то на Долгой Земле. Я даже не представляю, где.

Салли рассмеялась.

– Они тебе не сказали? Просто предоставили тебе прибраться за ними в Мягкой Посадке, да? И тебя от этого корежит, не так ли, Лобсанг? Вездесущий, всеведущий бог Долгой Земли низведен детьми до мальчишки на побегушках.

Джошуа пришлось на нее шикнуть.

– Нет, пусть говорит, – возразил Лобсанг. – Она права. Для меня это было трудное время. Ты знаешь это так же хорошо, как и любой другой, Джошуа. Фактически это и есть причина, почему я позволил Агнес собрать вас всех.

Агнес застыла.

– О, так ты позволил? А я-то думала, что это была моя идея.

Лобсанг обвел их взглядом: Салли, Нельсона, Джошуа, Агнес, сестру Иоанну.

– Вы моя семья. Вот кем я вас всех считаю. И все же у вас есть собственные семьи, с которыми вы связаны. Ими нельзя пренебрегать. – Он повернулся к Нельсону: – Мой друг, ты тоже не так одинок, как думал.

Нельсон воспринял этот намек скорее заинтересованно, чем оскорбленно.

– Ходячее пособие по загадкам. Типичный Лобсанг!

– Я не собирался темнить. Если ты просто вспомнишь нашу поездку в Новую Зеландию…

Раздраженная тем, что ее лишили внимания, Агнес резко оборвала:

– Лобсанг, если ты хочешь что-то сказать, переходи к сути.

Лобсанг ссутулился, опустив плечи. Джошуа он вдруг показался непостижимо старым. Старым и уставшим.

– Йеллоустон и крушение Базовой тяжело ударили по мне. Я проник в Долгую Землю, мои итерации разбросаны по Солнечной системе, но моим центром тяжести всегда была Базовая Земля. Сейчас Базовая сильно изранена. И, следовательно, я тоже.

Он прижал к вискам большие пальцы.

– Иногда я чувствую себя неполным. Как будто я теряю воспоминания, а потом теряю память об этой потере… Йеллоустон был для меня как лоботомия. С тех пор у меня появились сомнения. Я говорил тебе, Джошуа. У меня появилось странное ощущение, будто я вспомнил свои предыдущие реинкарнации. Но в тибетской традиции это не считается нормальным. Если моя реинкарнация полностью удачна, я должен был утратить воспоминания о прошлых жизнях. Значит, эта реинкарнация несовершенна. Или…

Он взглянул на Агнес.

– Возможно, существует более простое объяснение. Я же не более чем порождение электрических импульсов в гелевых хранилищах данных Корпорации Блэка. Возможно, меня взломали. А потом пришли Следующие с их вердиктом. До этого я воображал себя – да, Салли! – вездесущим, всеведущим. Почему бы и нет? Все компьютерные системы человечества, все системы связи полностью интегрированы в одно-единственное существо – в меня. И я вечно буду баюкать вас в тепле и безопасности.

Салли фыркнула.

– Целая вечность в подчинении? Нет, спасибо.

Он печально посмотрел на нее.

– И что же я? Без своей мечты я ничто.

Он осторожно поставил чашку.

Этот скромный жест явно встревожил Агнес.

– Ты о чем, Лобсанг? Что ты задумал?

Он улыбнулся.

– Дорогая Агнес. Ты знаешь, это будет не больно. Я просто…

Он застыл. Просто замер на середине жеста, на полуслове.

– Лобсанг? – закричала Агнес. – Лобсанг!

Джошуа бросился к нему вместе с Агнес. Взял Лобсанга за плечи, а Агнес растирала его руки, его лицо. «Синтетические руки на синтетических щеках», – подумал Джошуа, и все же чувства не могли быть более настоящими.

Голова Лобсанга повернулась – только голова, как кукла чревовещателя, – сначала к Джошуа.

– Джошуа, я всегда был твоим другом.

– Я знаю…

Лобсанг посмотрел на Агнес и прошептал:

– Не бойся, Агнес. Это не смерть. Это не смерть…

Его лицо обмякло.

Мгновение царила тишина.

Затем Джошуа осознал изменения на заднем плане, негромкие, обыденные звуки Приюта – гудение невидимых механизмов, вентиляторов и насосов – затихали. Все приборы прекращали работать. Выглянув в окно, он увидел, как вспыхнул и погас огонек в здании напротив. Потом потемнел целый квартал. Где-то зазвучал сигнал тревоги.

Агнес схватила Лобсанга за плечи и потрясла.

– Лобсанг! Лобсанг! Что ты наделал? Куда ты делся? Лобсанг, сукин сын!

Салли рассмеялась, встала и перешла.

* * *

Конечно, даже Лобсанг не знал всего. Некоторые тайны особой природы Джошуа были, оказывается, скрыты не в переходах Долгой Земли, а в глубоком прошлом. Тайны, которые начали закручиваться еще в марте 1848 года в Лондоне, на Базовой Земле.

Аплодисменты были оглушительными, Великий Элюзиво слышал их, спускаясь по лестнице к служебному выходу театра Виктории. В ушах еще звенело от гомона на трехпенсовой галерке, а его уже ошеломили вид и звуки Нью-Ката: витрины магазинов, прилавки, оживленное движение, уличные представления, нищие мальчишки-акробаты, которые кувыркались за гроши. И, конечно, как всегда, здесь были люди, поджидающие Луи снаружи, в вечерней темноте Ламбета. Даже юные леди. Хорошо, если юные леди.

Но на этот раз из переулка его позвал тихий мужской голос:

– Мистер, вы быстро двигаетесь, не правда ли? Можно сказать, поразительно быстро. Разрешите звать вас Луи? Полагаю, это ваше настоящее имя. Или одно из них. У меня для вас предложение. Заключается в том, что я приглашаю вас на ужин в «Пьяный моллюск» – там подают лучших в Ламбете устриц, если вы еще не знаете. Я-то знаю, что вы без ума от устриц.

Фигура была неразличима в темноте.

– Сэр, вы застигли меня врасплох.

– Да, знаю. Я заговорил с вами так быстро и настойчиво, потому что знаю: в любой момент, как пожелаете, вы можете просто исчезнуть. Эта способность служит вам очень хорошо, как я погляжу. Тем не менее вы не знаете, как это у вас получается. И я не знаю. Словом, сэр…

Мужчина исчез, вызвав легкое дуновение.

И появился снова. Он ловил ртом воздух и держался за живот, будто его ударили. Но выпрямился и сказал:

– Я тоже так умею. Меня зовут Освальд Хаккет. Луи Рамон Валиенте, мы можем поговорить?

Февраль 2052 года, удаленные области Долгой Земли

Звезды над головой Джошуа Валиенте светили только ему одному. В конце концов, были разумные причины полагать, что, кроме него, в данном конкретном мироздании нет ни души.

У него по-прежнему болела голова.

И не только она, ныла и культя левой руки.

Дух Валиенте носился во мраке. Какое-то существо, вскрикнув, умерло в темноте, и Джошуа пробрал страх.

– Я становлюсь слишком стар для этого, – пробормотал он вслух.

Он принялся собирать вещи. Пора домой.

Глава 2

Похороны состоялись промозглым декабрьским днем 2045 года в Мэдисоне, штат Висконсин на Западе-5.

Сначала сестра Агнес задавалась вопросом, как можно устраивать панихиду по человеку, который в обычном понимании и человеком-то не являлся и чье тело не представляло собой привычную хрупкую плоть. На самом деле она никогда не знала, сколько у него тел и вообще имеет ли это значение. И тем не менее, человек или нет, он несомненно умер, в любом смысле этого слова, который имел значение в сердцах его друзей. Поэтому она постановила, что панихиде быть.

Они собрались вокруг могилы, вырытой на маленьком участке около перемещенного приюта, где похоронили «его» – по крайней мере передвижной модуль, в котором он обитал в момент своей «смерти». Ощущение нереальности усиливали четыре запасных передвижных модуля, стоявшие над могилой в некоем подобии почетного караула, с бесстрастными лицами, в своих обычных оранжевых одеяниях и сандалиях, несмотря на сильный холод.

По сравнению с ними в молитвах и текстах, которые сообща читали отец Гэвин из местного католического прихода и Падмасамбхава, настоятель монастыря в Ладакхе и, предположительно, старый друг Лобсанга в прошлой жизни, не было ничего необычного. Но, возможно, думала сестра Агнес, это отражало самую странную черту Лобсанга: он обрел сознание в виде компьютерной программы и при этом утверждал, что является реинкарнацией тибетского мастера по ремонту мотоциклов, и поэтому потребовал гражданские права. Судебные слушания длились несколько лет.

– Не знаю, кем я кажусь другим, – говорил отец Гэвин с мягким ирландским акцентом, – но сам себя я воспринимаю всего лишь ребенком, который бродит по обширным берегам знания, время от времени находит яркий камешек и довольствуется этой находкой, тогда как перед ним расстилается неисследованный безбрежный океан истины.

Агнес тихонько прошла за спины собравшихся и встала рядом с пожилым мужчиной, высоким, седовласым, в неприметном черном пальто и шляпе.

– Хорошие строки, – тихо сказала она.

– Ньютон. Одна из моих любимых цитат. Сам выбирал. Возможно, несколько нескромно, но похороны бывают только раз в жизни.

– Ну в твоем случае это еще не известно. Итак, «Джордж»…

– Да, «жена» моя?

– Достойное собрание, даже если не считать тебя. Капитан Кауфман блестяще выглядит в парадной форме. Нельсон Азикиве, как всегда, серьезный и внимательный. Хороший друг, да, Л… эм-м, «Джордж»? А что там за женщина? Привлекательная, лет сорока с небольшим, та, которая плачет все утро.

– Ее зовут Селена Джонс. Работала со мной много лет назад. Теоретически она все еще мой законный опекун.

– Хм-м. Притащил весь свой багаж, да? Даже Чойдже явился, как я погляжу, и почему его не сдали на металлолом, не понимаю. И Джошуа Валиенте, и Салли Линдси.

– Король и королева Долгой Земли, – сказал «Джордж».

– Да. Рука об руку. Как всегда, выглядят словно созданы друг для друга и при этом желают, чтобы их разделяло как можно больше миров. Никогда этого не понимала.

– Ты знаешь Джошуа с детства, вот и скажи мне. Кстати, о детях…

– Все документы поданы. Пройдет какое-то время, прежде чем появится подходящий ребенок. Даже несколько лет. Он или она, может, еще и не родился. Но когда придет разреше-

ние на усыновление, мы будем готовы. Мы уже выбрали новый мир, где будем растить нашего «сына» или «дочь»?

– Я уже говорила, что попрошу Салли Линдси помочь. Кто лучше ее знает Долгую Землю?

Агнес посмотрела на Салли.

– Она единственная, кому известно о тебе?

– Да. Кроме тебя, единственная. На самом деле она сказала, что никогда не верила в мою окончательную смерть. Она каким-то образом знала еще до того, как я с ней связался. Но она умеет молчать. Клянусь, у нее есть тайны от самой себя.

– Хм-м. Я не до конца уверена, что ей можно доверять. Не насчет ее молчания, тут я согласна.

– Тогда почему?

– Не знаю. У Салли… странное чувство юмора. Она плутовка. Ты точно уверен, что хочешь этого? Оставить все и просто…

Он посмотрел на нее:

– Просто быть человеком? А ты?

И этот вопрос всколыхнул ее собственные эмоции, глубоко в комке геля Корпорации Блэка, который заменял ей сердце.

Отец Гэвин прочел следующую фразу, и «Джордж» нахмурился.

– Я правильно расслышал? Что-то про грешника перед вратами Рая и приползти обратно ко мне…

Она взяла его под руку.

– У тебя Ньютон, у меня Стейнман. Идем. Давай убираться отсюда, пока никто ничего не заподозрил.

Глава 3

Если бы не собака Рио, погнавшаяся за каким-то воображаемым пушистиком на заднем дворе старого участка Паульсонов, Никос Ирвин, скорее всего, так и не нашел бы большой погреб. Это была маловероятная случайность – а может, и нет, если знать Рио, которая унаследовала от предков, бернских овчарок, упорство и любопытство. Но если бы не Никос со своей упрямой любимицей, вся последующая история человечества, к добру или к худу, но пошла бы в ином направлении.

Это случилось в апреле 2052 года. Никосу было десять.

* * *

Не то чтобы Никосу нравился старый дом Паульсонов и вообще заброшенный поселок, где он находился. Просто дом Паульсонов использовали как местный обменник, и мать послала Никоса на поиски пинеток для своей беременной подруги Энджи Клейтон.

Так что он вместе с подпрыгивающей Рио вышел на яркий солнечный свет из тени деревьев, из дремучей чащи, в глубине которой компания лесных троллей выводила протяжную песню.

Он осмотрел большие дома, безмолвно возвышающиеся над этим открытым пространством. Никос вырос в лесу и инстинктивно не любил расчищенные поляны, потому что там негде укрыться. Кроме того, этот брошенный поселок был странным местом. Родители всегда говорили, что Долгая Земля для человечества слишком новая, чтобы уже заиметь историю, но если где-то в мире Никоса и была история, то именно здесь. Некоторые из старых домов поглотили заросли, но остальные все еще стояли на виду – грубые, квадратные и чуждые, с облупившейся побелкой и разбитыми окнами. Здесь даже пахло странно, не гнилью давно заброшенного места, а срубленной древесиной и иссушенной, пыльной, безжизненной землей.

Все это в основном было делом рук первых колонистов, основателей. Они расчистили лес, чтобы построить свой маленький поселок. Еще виднелись аккуратно срубленные и выжженные пни на месте огромных старых деревьев, и поля, которые засаживали колонисты, и тропы, которые они отмечали выкрашенными белой краской камнями, и, конечно, дома, что они возвели всего за несколько лет, со штакетными заборами, дверями с проволочными сетками и шторами из бус. В некоторых домах сохранились окна из мутного стекла. Здесь даже была маленькая церквушка, недостроенная, с усеченной пирамидальной крышей, открытой всем ветрам.

И, совсем уж неслыханно, в одном большом старом доме даже стояло пианино – деревянный сундук, который кто-то смастерил из местной древесины, приделал педали, внутреннюю раму, струны – все эти детали принесли из Ближних Земель. Замечательный шедевр почти бессмысленного мастерства.

Родители Никоса говорили, что основатели были целеустремленными и энергичными, и, когда они пришли в эти отдаленные миры за миллион с лишним переходов от Базовой, первого мира человечества, ими владели горячечные мечты о прошлом, когда их предки осваивали первую Америку и строили города вроде этого, города с фермами и садами, школами и церквями. Они даже назвали свой городок Нью-Спрингфилдом.

Но дело в том, что здесь была не колониальная Америка.

И эта Земля не была Базовой. Отец Никоса говорил, что этот мир и группа похожих Земель вокруг него заполнена деревьями от полюса до экватора и до другого полюса, и он выражался буквально: леса здесь процветали даже за полярным кругом. Разумеется, эта версия Мэна заросла деревьями, которые выглядели как секвойи и лавры, но, наверное, ими не

являлись. А в подлеске росло что-то похожее на чай, ягодные кусты, папоротники и хвощи. В полумраке, в теплом, влажном воздухе носились насекомые, а на деревьях и глинистой земле кишели пушистики, как их все называли, – маленькие прыгучие млекопитающие, которые жили тем, что охотились за упомянутыми насекомыми.

И в таком мире дети основателей вскоре начали искать новый образ жизни, отличный от жизни их родителей-пионеров.

Зачем весь этот тяжелый труд на фермах, когда вокруг целый ничейный мир, полный плодоносящих круглый год деревьев? Когда реки кишат рыбой, а в лесах полно пушистиков, которых так легко ловить? Может, земледелие имеет смысл в более пустых мирах Кукурузного пояса, но здесь… Периодически попадающие сюда бродяги, что называли себя стригалями, или сезонниками, или хобо, представляли наглядный пример другого образа жизни. Они способствовали расколу. Друзья родителей Никоса все еще судачат об одной особенно убедительной и, по-видимому, интеллигентной молодой женщине, которая, задержавшись здесь на несколько недель, проповедовала преимущества свободного образа жизни.

Пионеры предпочитали рано заводить детей. Чем скорее вырастишь новый урожай усердных работников, тем лучше. Но многочисленная детвора Нью-Спрингфилда, воспитанная в мире, совершенно отличном от родительского, быстро освоила независимое мышление и взбунтовалась. Большинство молодежи и значительная часть их родителей сдались и ушли в лес. Желание поддерживать поселок как-то исчезло, в действительности просуществовав всего одно поколение.

Сейчас Ирвины и другие семьи вообще не имели постоянного места жительства. По мере созревания сезонных плодов они переходили из одного мира в другой, где выжигали молодую поросль и чинили прошлогодние шалаши и очаги. По весне взбирались на холм Мэннинг в мире, отстоящем на несколько переходов к востоку, когда там вылезали из нор кротобелки – выбирать новых королев и искать новые норы, и их было легко ловить. А по осени люди уходили к ручью Соулсби в четырех переходах к западу, где ежегодный нерестовый ход лососей был особенно обильным. Никос вырос среди всего этого и не знал иной жизни.

Что же касается самого старого поселка, то большинство основателей, постарев и ослабев, вернулись на Базовую. Немногие разочарованные пионеры держались изо всех сил, а родственники присматривали за стареющими героями. Мать Никоса рассказывала ностальгическую историю о том, как она, бывало, слышала по вечерам игру пожилой леди на пианино. В тишине мирового леса разносился вальс Шопена – музыка, написанная в давно минувшем веке, в очень далеком мире. Временами вальс подхватывали чуткие лесные тролли. Но инструмент разладился, пришел день, когда музыка смолкла навсегда, и на пианино больше никто не играет.

Даже после того, как Нью-Спрингфилд полностью бросили, община Никоса продолжала расчищать это место от зарослей. Поселок использовался. Переходники нужны всем, а для них нужен картофель, но картофель необходимо выращивать, для этого и пригодились остатки полей основателей. Кто-то вложил много труда в строительство кузницы рядом с участком Паульсонов, и ее поддерживали в рабочем состоянии. Между мирами нельзя проносить железо, и сохранение ремесла его изготовления было еще одной хорошей идеей. Некоторые животные, завезенные основателями, – куры, козы, свиньи и даже овцы – выжили и размножились. Одичавшие потомки тех первых свиней частенько пугали людей, внезапно выскакивая из зарослей.

А вот этот дом, прежнее жилище Паульсонов, который был крепче остальных, со временем нашел новое применение. Он стал обменником, как его теперь называли, местом, где можно оставлять и обменивать всякую всячину.

За этим Никос и пришел сюда.

* * *

Он осторожно прошел через поляну к участку Паульсонов.

Держа левую руку на бронзовом ноже, который носил на бедре, а правую – на переходнике, он пристально следил за окрестностями. Местных диких животных Никос не боялся. Поскольку одичавшие домашние животные ушли, в лесу осталось только три опасности: муравьи, большие птицы и крокодилы. Ну до воды слишком далеко, чтобы опасаться крокодилов; большие птицы свирепы, но они привыкли нападать на маленьких лесных пушистиков и потому были тяжелыми, неуклюжими и медленными. А что касается муравьев, то Никоса об их приближении предупреждал шум, напоминающий течение страшной разъедающей жидкости, уничтожающей все на своем пути. Кроме того, лесные тролли почти наверняка запоют в случае опасности, и Никос успеет убраться. Почти наверняка. Никос сам видел, как неосторожного ребенка поймала большая птица, и это было ужасно. Вот из-за этого скользкого «почти» и нельзя терять бдительность.

Нет, причина осторожности Никоса крылась в том, что по крайней мере среди детей ходили рассказы об этом особенном доме. Легенды, если хотите. Легенды о существах, которые здесь жили.

И это не какие-нибудь пушистики, которые роются в отбросах. И не какие-нибудь знакомые лесные чудовища. Нечто гораздо худшее. Возможно, здесь заперт эльф, нечисть Долгой Земли, сломленный и старый, но по-прежнему злобный, поджидающий неосторожных детей, чтобы их съесть. Или, в другом варианте легенды, призрак одного из этих самых детей, желающий отомстить тем, кто заставил его или ее пойти сюда.

Конечно, это глупости. Никос был достаточно взрослым, чтобы увидеть изъяны в логике: если в доме Паульсонов обитает призрак, то почему взрослые устроили тут склад? И все же он еще был достаточно ребенком, чтобы бояться. Что ж, сказки или нет, но он не вернется, не выполнив поручения, это уж точно. Иначе насмешки над его детскими страхами будут похуже того, что с ним может сделать любое чудовище.

Когда он подошел к крыльцу, Рио понюхала воздух и с лаем скрылась из виду за углом дома. Наверное, погналась за каким-нибудь неосторожным пушистиком. Никос не стал обращать на собаку внимания.

Открыв скрипучую незапертую дверь, он вошел внутрь и огляделся. Через завесу зелени, что потихоньку затягивала окна, пробивалось совсем мало дневного света. Никос достал из кармана фонарик, чтобы лучше видеть в темноте. У него невольно волосы встали дыбом. Он привык к вигвамам и шалашам, никогда не верил в легенды о призраках, но ему было непривычно даже просто заходить в деревянный ящик, закрытый со всех сторон. Тем не менее он, держась начеку, прошел дальше.

Большую часть дома занимала одна главная комната. Никос знал, что эти дома строились так: сначала одно просторное помещение, где вся растущая семья живет, ест и спит, а потом по возможности добавляли другие: кухню, спальни, кладовки. Но строительство здесь, как и во многих других местах, не зашло столь далеко. Никос узнавал обстановку по прошлым посещениям под присмотром отца: большой старый стол в углу, камин под недостроенным дымоходом, на полу коврики, сплетенные из растущего у ручья тростника и раскрашенные краской из местной зелени.

Комната была забита хламом, пыльным старым мусором, сваленным кучами на полу, на столе и у стен. Но это был не хлам, не совсем. Люди леса всегда имели мало вещей, потому что все их имущество либо приносилось с Базовой или Ближних Земель, либо вещи приходилось изготавливать самим. Во всех случаях уходило много усилий. Поэтому, если что-то ломалось – лук, бронзовый мачете, палка-копалка – и вещь было трудно починить, ее оставляли

здесь, в обменнике. Теоретически ею мог воспользоваться кто-то еще, хотя бы деталями, – бронзу можно расплавить, сломанный лук отдать детям, чтобы тренировались. Это был полезный склад кусков проволоки, реле и катушек – предметов, с помощью которых можно сделать или починить переходник или радио. Тут даже валялась куча мудреной электроники с Базовой: телефоны, планшеты – все неработающие, поскольку в них сели батарейки и фотоэлементы, а начинка была слишком изощренной, чтобы использовать для чего-то другого. Даже их иногда забирали, чтобы носить в качестве украшений или подарить лесным троллям.

И там всегда была одежда, особенно детская: и белье, и штаны, и рубашки, и свитера, и носки, и обувь, по большей части купленные на Ближних Землях, кое-что пошитое здесь. Взрослые вещи были в основном слишком изношены, чтобы пригодиться, но Никос выбрал несколько цветных шарфов для нового стеганого одеяла, которое шила мать. Даже лоскуты шли в дело – ими набивали постель и тому подобное. А вот детские вещи могли остаться почти новыми, если ребенок из них вырастал. Люди Нью-Спрингфилда вели подвижный, кочевой образ жизни и брали с собой мало вещей. И определенно не собирались двадцать лет таскать пинетки на случай, если в один прекрасный день родятся внуки, которые поносят их всего пару месяцев. Пинетки, которые Никос сегодня искал, предназначалась будущему малышу Энджи Клейтон.

Порывшись, он нашел пару чудесных маленьких мокасин, сшитых из шкуры какого-то несчастного пушистика. У него на ладони они казались игрушечными.

Вот тогда он и услышал визг Рио, звук, похожий на треск дерева, и шум, будто что-то тяжелое свалилось в яму.

Глава 4

Никос рванул на улицу и побежал вокруг дома в ту сторону, где скрылась собака.

– Рио! Рио!

Позади дома, на границе нерасчищенных джунглей, из земли торчали колья – незаконченный частокол, чтобы овцы не уходили в лес, а большие птицы не забредали во двор. Никос пробирался между чайными кустами и молодыми деревцами, заполонившими когда-то расчищенное пространство между домом и частоколом, – и чуть не свалился в яму.

Он осторожно шагнул назад и заглянул вниз. Яма шириной футов шесть была прикрыта неструганными досками, которые со временем, очевидно, подгнили и утратили прочность. Судя по оставшимся доскам, они были засыпаны землей, а сверху еще и лесным перегноем. На этом слое почвы даже проросли несколько живучих папоротников. Но одна доска теперь проломилась и обрушилась в дыру, глубокую и черную.

Никос почесал голову. Все это озадачивало. Погреб? Возможно. Погреба предназначались не только для хранения продуктов и прочих вещей, но и были разумной мерой предосторожности на случай нападения бандитов и других злоумышленников. Ведь если есть переходник, то никакие стены не остановят: нужно просто перейти в последовательный мир, где этой стены не существует, пройти через то место, где она стоит, и перейти обратно… А вот в погреб перейти невозможно. В последовательных мирах это место будет забито почвой, горными породами и корнями деревьев. Неглубокие погреба были выкопаны даже под некоторыми крупными, хорошо обустроенными стоянками семьи Никоса, разбросанными по последовательным мирам.

Да, вполне ожидаемо, что при таком доме будет погреб или, по крайней мере, его начнут копать. Но зачем закрывать его досками?

И хотя весь этот мусор поверх досок мог собраться за прошедшие годы, было похоже, что яму спрятали намеренно. Зачем? Может, это не погреб, а какая-то ловушка? Но ловушка для кого? Только большая птица, или крокодил, или крупная собака вроде Рио, или человек, достаточно тяжелый, чтобы провалиться сквозь доски. А может, и вовсе никто, по крайней мере в то время, когда доски еще не настолько прогнили.

Но это не имело значения. Рио пропала.

Стоя на ярком солнце, Никос медлил. Замкнутое пространство под землей будет еще хуже дома Паульсонов: там он не сможет использовать свой главный принцип защиты – держаться подальше от любой опасности. Он почти отступил. Но Рио… Ее еще щенком принес торговец с Базовой Земли. Бернская овчарка, выведенная, чтобы таскать повозки с сыром. Она была сильной, с хорошими легкими, но медленной.

Его собака. Если потребуется залезть в эту яму, он это сделает.

Он осторожно опустился на четвереньки и заглянул в яму через сломанную доску, но увидел только темноту, даже когда посветил фонариком.

– Рио!

Сначала он ничего не слышал, даже эха. Затем из ямы раздался лай, без сомнений принадлежавший Рио, но звучал он удивительно далеко, как будто собака застряла не в нескольких футах внизу.

– Рио! Рио!

И тут он услышал другой звук. Похожий на царапанье, почти шорох, словно от какого-то огромного насекомого. Казалось, что оно удалялось, как будто зарываясь глубже. Никосу вспомнились все легенды и страшные истории. И он снова чуть не отступил. Но внизу была его собака.

Он принялся лихорадочно оттаскивать оставшиеся доски, неосторожно стряхивая землю в яму.

– Рио! Ко мне, девочка! Рио!..

Открывшаяся яма, кое-как выкопанная в рыхлой почве, была глубиной всего восемь футов. Прежде чем принять окончательное решение, Никос свесился с края, убедился, что сможет выкарабкаться наружу по стенкам, и спрыгнул на дно.

Он осмотрелся. Погреб оказался так себе: голые земляные стены, на полу до сих пор виднелись отметины от лопаты. Просто яма в земле, торопливо вырытая и еще более торопливо спрятанная. И никаких следов собаки.

Было ясно, что Рио убежала. В одной стене у самого пола виднелась дыра.

Удостоверившись, что карманный нож под рукой, Никос встал на четвереньки и заглянул во что-то вроде тоннеля. Не слишком широкий, всего несколько футов, круглый, с гладкими стенами, прорытый гораздо аккуратнее, чем недоделанный погреб. Никос посветил фонариком по сторонам. Тоннель круто уходил вниз. В темноту, куда не доставал свет фонарика. Кто его прорыл? Может, какое-то животное? Некоторые пушистики обитали под землей, и в воображении Никоса возник образ кротобелки размером с человека, с похожими на лопаты когтями на передних лапах. Вроде кобольдов, подумалось ему, кротоподобных гуманоидов ростом с человека, которые иногда приходили и пытались торговать. Но он помнил специфический шорох, напоминавшее шепот царапанье. Ни один пушистик и даже кобольд не издает таких звуков.

Затем вдалеке он снова услышал лай и испуганный визг.

Никос позволил инстинктам одержать верх.

– Иду, девочка! Только дождись Никоса!

Зажав фонарик во рту, он на четвереньках залез в тоннель и пополз вниз. Под руками и ногами была только земля, ровная и утрамбованная. Круг света позади становился все меньше, а впереди фонарик выхватил еще одно отверстие, аккуратный круг, ведущий в еще большую темноту. Было страшно оказаться запертым в тоннеле, а переходник на поясе мешал двигаться. Развернуться было негде, и, чтобы выбраться, пришлось бы ползти задом. Но он продвигался вперед.

Так он прополз, по своим прикидкам, футов двадцать, спускаясь в темноту.

Затем тоннель закончился входом в намного большую пустоту. Все еще стоя на четвереньках, Никос осторожно заглянул внутрь, водя по сторонам фонариком. Свет выхватил гладкий пол, потолок высотой футов десять и стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга колонны из земли или горной породы, сохранившиеся после рытья. Стен он не видел, ни впереди, ни по бокам – свет фонарика не доставал так далеко. Пещера явно была огромной, широкой и глубокой.

Вот тебе и кротобелки. Что за чертовщина?

Он вспомнил, что читал на уроках, которые время от времени проводила его мама, о добыче полезных ископаемых на Ближних Землях. Поблизости пролегала железная жила, которую разрабатывали основатели, когда Паульсоны построили кузницу, – богатая жила, необычная для этого мира, и была причиной, по которой они здесь обосновались. Никос видел эту маленькую домашнюю кузницу, горсточки гвоздей и прочих изделий, изготовленных в ней, несколько подков для животных с экзотическим названием, которых предполагалось когда-нибудь завезти сюда, но до этого так и не дошло (Никос никогда не видел лошадь). Основатели не могли выкопать все это за такое короткое время, да и незачем. Но если не они…

Перед ним появилось лицо.

Если это можно было назвать лицом. Маска, смутно напоминающая человеческое лицо, одна половина покрыта серебристым металлом, вторая и того хуже, изваянная из черной блестящей штуки, из которой Бог создает жуков, как сказал бы отец. Но это определенно было лицо, на крошечной голове, сидевшей на тоненькой шее.

Казалось, оно любопытствовало. Рассматривало его, склонив свою странную голову набок. Любознательное. Живое!

Никоса накрыл запоздалый шок. Он завизжал, и звук громким эхом отразился в большом открытом пространстве. Он попытался ползти назад, но, не удержавшись на наклонном полу тоннеля, заскользил вперед и ввалился в пещеру…

Прямо в руки серебряного жука. Руки? У него есть руки? Никос почувствовал спиной и ногами холодный металл. Он закричал, начал вырываться, и его отпустили.

Он упал на пол с высоты всего нескольких футов, но от удара перехватило дыхание. И он выронил фонарик. Никос быстро вскочил на ноги, но в темноте, при очень слабом свете упавшего фонарика потерял ориентацию.

Жук шлепнулся на живот и побежал прочь, возможно, такой же напуганный, как и сам Никос. Существо было ростом с человека, но формой, способом передвижения, черным блестящим телом и множеством конечностей напоминало жука или саранчу.

Никос увидел и услышал, что приближаются еще существа. Он схватил с пола фонарик и посветил по сторонам.

Они надвигались со всех сторон, ползли по полу, словно туча муравьев, только намного больше и уродливее. И то, что их блестящий черный панцирь был отделан металлом, чем-то рукотворным, пугало еще больше. Когда Никос направил фонарик на одно из существ, оно дернулось назад, словно ослепленное, но с других сторон надвигались его собратья. Подойдя ближе, они начали вставать. Никос увидел мягкие брюшки с бледно-серыми мешками, прилепленными к зеленоватой коже, как волдыри.

И тут одно из существ поднялось прямо перед Никосом. Он увидел закрывающую половину лица серебряную маску, как у первого встреченного им жука, – а может, это и был тот первый жук, Никос не мог отличить их друг от друга, – и к нему потянулось какое-то щупальце, серебристое и тоненькое, как ниточка.

Никос постарался не шевелиться. Но когда щупальце коснулось его, холодный металл к теплой коже, его нервы не выдержали.

Он ринулся вперед, крича и размахивая фонариком, между шуршащими телами, которые опрокидывались и уползали с его пути. Пробежав совсем немного, Никос обо что-то споткнулся и упал на твердый, утрамбованный пол. Он опять уронил фонарик, и на несколько мгновений его охватила паника, повсюду вокруг него в темноте шевелились, шептали и скреблись живые тени. Он подобрал фонарик, но понятия не имел, в какой стороне стена и тоннель, из которого он вывалился. Его опять охватила паника, не давая дышать.

И опять один из жуков протянул к нему извивающееся серебристое щупальце. Не раздумывая, Никос размахнулся фонариком. Он попал существу по темной половине лица, не закрытой металлической маской. Черная скорлупа треснула, и из нее потекла густая зеленая и вонючая жижа. Жук упал, и другой потянулся подхватить раненого товарища, но при этом подошел слишком близко к Никосу, и тот снова замахнулся фонариком…

С легким хлопком жук исчез.

Никос удивился. Жук как будто перешел, прямо из этого большого погреба, из пещеры под землей! Как такое возможно?

Существа опять начали приближаться, теперь намного осторожнее, странные одноглазые полулица, следящие за гуляющим из стороны в сторону фонариком. Ему не убежать, и, если они набросятся на него, он не справится со всеми.

Никос попытался рассуждать логически.

Тот жук перешел. Перейти из ямы в земле невозможно. Но жук перешел. Если жук смог, то и он сможет.

Переходник по-прежнему висел на поясе. Никос потянул громоздкий рычажок выключателя налево и направо – восток и запад – и попробовал перейти, но в обоих случаях ощутил

странное сопротивление. Так бывало, если пытаться перейти из погреба или в место, занятое чем-то массивным, например большой секвойей. Невозможно перейти в твердую землю или гору. Но тот жук перешел! Должен быть какой-то способ это сделать.

Жуки продолжали окружать его.

Передернувшись от страха и отвращения, Никос попробовал еще раз. Он дергал выключатель на переходнике, пока тот не отломался. Но затем он перешел, не на запад или восток…

Он больше не был в яме.

* * *

Он сидел на твердой гладкой поверхности. Над головой раскинулось ослепительное, сверкающее небо, и после темноты большой пещеры стало больно глазам. Но небо было не голубым, а оранжево-коричневым, и никаких признаков солнца или луны – только звезды, как в ясную ночь. Намного больше звезд, чем Никос когда-либо видел, и некоторые из них были очень яркими, ярче любой звезды или планеты, ярче луны, яркими, словно осколки солнца.

Застыв от потрясения, он судорожно вздохнул. Воздух был разреженным и пах металлом и сухостью.

Никос осмотрелся. Поверхность под ногами походила на утрамбованную землю. Он сидел на склоне, который спускался к какой-то реке. На дальнем берегу кучковались бледные полупрозрачные пузыри. Они напоминали волдыри, которые он видел на брюшках жуков, но крупнее, размером с дом, и крепились к земле – по крайней мере некоторые, а другие словно силились подняться в воздух.

Жукоподобные существа ползали по тропам и дорогам, проложенным по берегу реки, пересекали низкие мосты над водой. Сотни жуков, целые толпы шуршащих, скребущихся жуков.

Все эти впечатления навалились на Никоса в одно мгновение.

Рядом тоже оказался жук. Никос не заметил, как тот приблизился. Перед ним повисло наполовину серебристое лицо, а к правому виску потянулось извивающееся щупальце. Это было слишком, он увидел слишком много, чтобы осмыслить и отреагировать. Он не сопротивлялся.

Никос заметил еще одну странность на сверкающем небе: звезды слева от него были хоть и яркими, но отливали зеленью, а справа были чисто-белыми.

Затем его головы коснулось что-то холодное. В глазах потемнело, будто он падал в еще один тоннель.

Никос резко пришел в себя.

Он лежал на спине. Над ним – голубое небо, а вокруг стены из земли, обычной чистой земли. Он снова очутился в той незаконченной яме, под обычным небом. А не в большой пещере. Почти в панике он сделал вдох, и его легкие наполнил сладкий воздух с густым ароматом лесных цветов.

Никос сел, задыхаясь и кашляя, горло болело.

Что-то коснулось его лица. Решив, что это серебристое щупальце одного из кошмарных жукообразных созданий, он увернулся и вскочил на ноги.

Но это была Рио. Она лизнула Никоса в лицо. И она принесла животное, обычного карликового енота, ничем не примечательного, обмякшего и мертвого.

Никос быстро осмотрелся по сторонам, обыскал карманы и мешок. Детские мокасины были все еще при нем. Но он потерял фонарик и теперь думал, как это объяснить.

Рио прыгала рядом, живая и невредимая. Она дала потискать и погладить себя, а потом первая выбралась из ямы и направилась домой.

* * *

Никос ничего не рассказал родителям о своем приключении на старом участке Паульсонов.

Страх не отпускал его весь день и всю ночь. Он даже не смог заснуть, все время думал об этом.

Но на следующий день он вернулся на окраину заросшей поляны и осмотрел дом Паульсонов из-под безопасного прикрытия деревьев.

Завтра он придет сюда с друзьями, в большую пещеру.

Глава 5

Род, сын Джошуа Валиенте, заехал за ним в старый семейный дом в Перезагрузке, в последовательном штате Нью-Йорк, в ста тысячах переходов к западу от Базовой. Джошуа встретил его на крыльце. Только что минула полночь 1 мая 2052 года.

– С днем рождения, папа.

Джошуа тепло пожал руку своему единственному ребенку. В двадцать мальчик вымахал выше отца с матерью. От матери он унаследовал бледную кожу, от отца – темные волосы. Он носил одежду из выделанной кожи и какой-то светло-зеленой шерсти домашнего прядения. В свете фонаря усадьбы Гринов он выглядел чужаком, но ему самому было комфортно. И, судя по внешности, он идеально вписывался в кочевое, разбросанное по территории пестрое население последовательных лесов, куда его все сильнее влекло.

И теперь он Род, напомнил себе Джошуа. Мы назвали его Дэниел Родни, мальчиком он всегда был Дэном, мужчиной стал Родом. Его выбор. Джошуа гордился этим привлекательным, уверенным в себе молодым человеком и в то же время сожалел по поводу явной дистанции между ними.

– Спасибо, что пришел, сынок. И спасибо, что отправляешься со мной. Хотя бы на часть пути.

– Ну мы еще не доехали. И ты еще не видел корабль, в котором полетишь.

– Твой «переходной летательный аппарат». Ты говорил загадками.

– Это не твен, папа. Ничего похожего на большой старый корабль, на котором мы летали на Базовую, когда я был ребенком. Как он назывался?

– «Золотая пыль».

Хелен, бывшая жена Джошуа и мать Рода, вышла из дома и заключила сына в объятия. Одета она была скромно, седеющие рыжеватые волосы были стянуты в практичный узел. Вернувшись в Перезагрузку после развода с Джошуа, она возобновила акушерскую практику и теперь занимала довольно высокое положение в последовательной общине Нью-Скарсдейла. Было заметно, что она сильная (не только физически, но и уверенная в себе). В день рождения Джошуа очень хорошо сознавал собственный возраст, но и самой Хелен в следующем году исполнится сорок.

Из дома вышел последний его обитатель. Отец Хелен, Джек, опирался на трость, ему было за семьдесят.

– Мой мальчик, мой мальчик. – Свободной рукой он обнял Рода за плечи, и тот охотно подчинился.

Хелен засуетилась.

– Заходите и давайте закроем дверь. Хотя уже май, но ночи еще холодные.

Она повела их в гостиную, сердце дома и первую построенную в нем комнату, где, как семья пионеров, Грины жили все вместе за годы до того, как она встретила Джошуа… Все Грины, за исключением, конечно, фобика Рода, которого они оставили в Базовом Мэдисоне. Брат Хелен, Род, был для ее сына таинственным пропавшим дядей, чье имя он решил носить.

Род с неловкостью стоял возле заставленного едой стола в комнате и, по-видимому, чувствовал себя не в своей тарелке.

– Мам, зачем столько хлопот?

Хелен улыбнулась.

– Ты же знал, что я наготовлю? Слушай, я понимаю, что вам обоим не терпится сбежать…

Джек проворчал:

– Даже не заскочишь на минутку поздороваться с тетей Кейти, ее девочками и внуками? Ты же знаешь, как они тобой восхищаются, великий пилот твена.

– Дедушка, я больше не пилот твена.

– И все равно…

– Я здесь только ради папы.

– Дурацкая затея!

– Если папа хочет за одни сутки пересечь сто тысяч миров до Базовой в свой день рождения, ничего не имею против. Большую часть пути мы пролетим. Я хочу до рассвета преодолеть девятьсот миль до последовательного Висконсина, а потом еще шесть часов лететь и опять переходить над Мэдисоном.

– Если вы не упадете по пути. Дурацкая затея, если хотите знать.

– Не хотим, Джек, – довольно мягко сказал Джошуа. – А когда Род меня высадит, остаток пути я пройду пешком.

Хелен закатила глаза, глядя на сына.

– С Салли Линдси! Хороший будет день рождения! Два старых ворчуна топают по Долгой Земле и брюзжат по поводу того, как хорошо было раньше, когда там не было столпотворения – никого, кроме них.

Род вежливо пожал плечами.

– Мам, папа так решил. Пятьдесят бывает раз в жизни.

– Чертова дурацкая затея, – повторил Джек.

– Ну если вы не хотите повидаться с семьей, – настаивала Хелен, – и не хотите, чтобы я и одну ночь за вами поухаживала, то хотя бы подзаправьтесь. Впереди долгое путешествие. У меня домашнее печенье, очень сладкое, сэндвичи. Свинина, правда, была замороженная, но неплохая. И чай со льдом, и горячий кофе, и лимонад. Я знаю, что уже полночь, ну и что? Садитесь. Поешьте.

Джошуа с Родом переглянулись, пожимая плечами, как в те времена, когда Род был пацаном по имени Дэн и они оба знали, что лучше не спорить, а садиться за стол. Даже Джек неуклюже опустился на стул. Они положили еды в тарелки и наполнили стаканы.

– Слишком поздно для еды, – проворчал Джек, кусая печенье размером с маленькую тарелку. Поднося руку ко рту, он поморщился.

Джошуа знал, что Джек, к несчастью для него, был типичным представителем своего поколения, первых пионеров Долгой Земли. Усилия, которые он приложил в первые годы строительства Перезагрузки после многомесячного перехода сюда с юной Хелен и остальной семьей, аукнулись ему к старости артритом. Но он упорно отказывался от дорогих лекарств Ближних Земель, отвергая любую помощь. Даже согласие переехать к дочери стало результатом долгих уговоров самой Хелен, вернувшейся домой из Черт-Знает-Где, и ее старшей сестры Кейти, которая безвылазно жила с собственной семьей в Перезагрузке. Джек все еще писал или пытался писать на грубой бумаге местного изготовления, держа скрюченными пальцами перьевую ручку местного же изготовления. Хелен говорила Джошуа, что отец работает над мемуарами героических дней «Нежной революции» Вальгаллы, когда народ Долгой Земли отстаивал независимость от Базовой. Джошуа предполагал, что Род и его друзья-стригали, вечно пропадающие в бескрайних последовательных лесах, едва ли помнят эту краткую драму.

В любом случае Джошуа понимал, что Джек прав насчет позднего часа. Хотя большая часть молодежи ушла, ядро населения Перезагрузки по-прежнему жило за счет фермерских хозяйств, которые они и их родители отвоевали у местных лесов около четверти века назад. И, следуя жизненным ритмам своих домашних животных, они в основном шли на покой с заходом солнца. К полночным бдениям фермеры не привыкли.

– Да ладно, папа, – сказала Хелен. – Когда я иду принимать роды, мы поднимаемся в любое время. Новорожденные не придерживаются расписания. Ты же встаешь по ночам, чтобы сделать мне кофе, когда я прихожу с петухами. Кроме того, раз уж Род не нашел другого времени, чтобы почтить нас визитом, я не собираюсь спать. Еще чаю?

– Пока нет, спасибо. – Род испытывал неловкость. – Мам, послушай… Я слышал, у тебя тоже есть новости.

Хелен подняла брови.

– Слухи расходятся быстро, даже по Долгой Земле. Что ж, не знаю, что ты слышал, Род, но на самом деле…

Джек захихикал.

– У нее новый бойфренд. Тот бледнолицый мальчуган Бен Доук!

Джошуа сдержал усмешку и порадовался тому, что у него было время переварить эти новости. Теперь они уже не казались такими плохими, просто еще один слой на ком печали и сожалений, который он носил внутри с тех пор, как его брак дал трещину. И Бен Доук был какой-то чудаковатый.

– Довольно, папа, – оборвала Хелен. – Ради бога, он не мальчуган, он всего на пару лет моложе меня… Род, ты его знаешь. Он из первых колонистов, он и его семья. Мы сошлись с Доуками во время путешествия. У него есть свои дети, младше тебя, и он потерял жену во время лесной лихорадки, что поразила нас год назад…

– Мама, я после этого появлялся.

– Прости. И поскольку я потеряла мужа из-за лихорадки другого типа… – Она бросила взгляд на Джошуа. – Мы подумали… ну… объединиться…

Джек фыркнул.

– Звучит как будто это военный союз, а не брак. Род, спроси у нее, потому что я пробовал и не получил ответа. Она и правда любит этого мальчишку Доука?

Видимо, у них это был старый спор. Хелен взорвалась:

– Папа, ты по-прежнему считаешь, что тут как в Базовом Мэдисоне, где ты вырос. Где полно людей, которые приходят и уходят, можно выбирать любую компанию. Где можно позволить себе роскошь ждать, пока найдешь человека, в которого влюбишься. Тут все иначе.

Род взял мать за руку.

– Я понял, мама. У нас то же самое.

– Разумеется, – сказал Джек. – Рыщете по лесам, как Робин Гуд и его шайка. А ты, случайно, не состоишь в «свободном браке», о которых мы слышали?

– Если бы так и было, дедушка, стал бы я об этом болтать?

Подумав, Джек подмигнул Роду.

– Довольно честно.

– Мама, к венчанию я вернусь.

– Хорошо. – Но она на мгновение обеспокоилась: – С датой еще не определились. Как мне с тобой связаться? Я о том…

– Я узнаю, не волнуйся. – Он добавил ехидно: – Иногда родственные отношения с великим Джошуа Валиенте здорово помогают. Люди обращают чуть больше внимания на то, что ты делаешь. Они передают сообщения.

Хелен бросила на Джошуа снисходительный взгляд.

– Я в курсе, что у него сегодня день рождения, но не позволяй ему больше задаваться. И он прекрасно знает, я бы предпочла, чтобы он провел этот знаменательный день с семьей, а не отправлялся в бессмысленную поездку по Долгой Земле.

– Поездку со своим сыном, – заметил Джошуа. – Во всяком случае, часть ее с ним. Вот и уделю время семье.

– Только потому, что иначе ты не осилишь такое путешествие, старый чудак, – сказал Джек.

Род рассмеялся.

– Раз уж заговорили о поездке, нам пора. Мам, спасибо – печенье вкусное, а сахар не даст мне заснуть.

Джек проворчал:

– Мне не дает заснуть то, сколько всего нам пришлось обменять на сахар для печенья. Этот проклятый продукт служит здесь валютой.

– Можете сложить мне остатки?

Так завершилась эта полночная вечеринка. Были еще последние сборы, крепкие объятия и рукопожатия от бывших жены и тестя Джошуа, последний глоток крепкого кофе.

Затем Род с фонарем в руках вывел отца из маленького поселка на лесную тропу, ведущую к реке, где по-прежнему стоял каменный памятник слишком короткой жизни матери Хелен, жены Джека.

И здесь, на поляне, Род посадил небольшой самолет.

Глава 6

Корпус самолета был изготовлен из гладкой белой керамики, без каких-либо знаков, за исключением регистрационного номера и непременного логотипа Корпорации Блэка – буддистского монаха, обозначавшего возможность переходить во время полета. Крылья были короткими, хвостовой стабилизатор – толстым. Корпус имел цилиндрическую форму, места хватало лишь на маленькую кабину и сиденья для четырех пассажиров.

Внутри самолета резко пахло новыми механизмами и чистотой. Как в новой машине, подумалось Джошуа. Случайное воспоминание из первых десятилетий двадцать первого века, когда он был ребенком, а Базовая Земля – единственным миром, и на ней было полно машин, новых и не очень. Они уложили свой нехитрый багаж, сели в кресла пилота и второго пилота и пристегнулись. Род провел руками над сенсорными экранами, и они заполнили кабину своим свечением. Джошуа не узнал ни одного компонента виртуальных приборов.

– Знаешь, я не очень разбираюсь в гаджетах, но это чума.

Род поморщился.

– Чума? Сколько тебе лет, пап? Держи шляпу, взлет тут весьма внезапный.

Загудел биотопливный двигатель, приглушенно взревели турбины, и аппарат резко рванул вперед по заросшей травой лужайке, слегка подпрыгивая на неровностях. В Перезагрузке не было взлетной полосы, поскольку мало кто добирался сюда по воздуху, да и те в основном на дирижаблях, которые прекрасно обходились безо всяких полос. Очевидно, этот маленький самолет тоже в них не нуждался. После на удивление короткого разбега он взмыл в темное небо.

Они не стали переходить сразу. Род включил автопилот, и самолет заложил широкий ленивый круг. Род тем временем проверил переходник на поясе, открыл маленькую пачку таблеток и начал их глотать. В отношении переходов у Рода была смешанная наследственность: его отец, Джошуа, – образцовый прирожденный путник, но в семье матери были фобики – люди, совсем неспособные переходить, как его печально известный дядюшка, чье имя он взял. Сам Род находился где-то посередине. С переходником он мог совершать три-четыре перехода в минуту, но каждый раз его тошнило, поэтому он нуждался в лекарственных препаратах, контролирующих реакцию. Мальчишкой он мечтал водить твены – огромные грузовые дирижабли, способные переходить. К счастью для него, к тому времени, когда он попытался воплотить свою мечту в жизнь, появились высокоэффективные препараты против тошноты, и переходы с интервалом в несколько секунд и даже меньше стали вполне возможными.

Джошуа не стал комментировать это самолечение, хотя ему и было интересно: от современных лекарств моча все так же становится голубой?

Окна в кабине были большими, и Джошуа видел разбросанные внизу огоньки Перезагрузки, соседних ферм и пастушьих шалашей. Но не успели они подняться повыше, как поселение затерялось на фоне занимающего весь континент леса, насыщенного зелено-черного моря в безлунной ночи.

– Заставляет задуматься о том, как нас мало в таких мирах, даже после стольких лет. Даже после того, как мы расплодились.

Род хмыкнул:

– Для нас с приятелями это нормально. Планета не должна светиться в темноте. – Он убрал аптечку. – Итак, ты готов?

– Поехали.

Род дотронулся до угла еще одного мерцающего экрана.

Первый переход прошел со слабым рывком, как будто самолет наткнулся на кочку, и внезапно они оказались под ливнем – и вне его после второго перехода.

После этого миры замелькали перед Джошуа один за другим. Вариации на тему черного, без единого огонька внизу. С самого начала они переходили быстрее, чем билось сердце Джошуа, что слегка дезориентировало, как слишком быстрая музыка. Но с увеличением частоты переходов неизбежное ощущение тряски быстро сгладилось. На самом деле его заглушили еле заметные вибрации плавно работающих двигателей. Самолет встал на курс, географически направляясь на запад, к сердцу континента и последовательным Висконсинам, продолжая переходить.

– Хорошая машина, – сказал Джошуа.

– Конечно. «Чумовая».

– Не буду спрашивать, сколько ты заплатил, чтобы полететь на ней. Или, если на то пошло, как ты заработал столько денег, с твоим-то образом жизни.

– Ты ничего не знаешь о том, как я зарабатываю на жизнь. Слушай, я здесь ради тебя, как ты просил. Ты хотел, чтобы мы побыли вместе. Хорошо. Полет – мой подарок, папа. С днем рождения. Но за каким чертом ты это делаешь?

– А почему нет? Мне пятьдесят. Я всю жизнь странствовал по Долгой Земле. Почему бы не пересечь сто тысяч миров за сутки? Почему не отметить юбилей таким фортелем, пока я еще могу?

– Мне жаль это говорить, но я уверен, что рекорд скорости ты не установишь.

Джошуа пожал плечами.

– Мне плевать на сравнения. Меня никогда особо не волновало, что думают обо мне другие, если они меня не трогают.

– А может, стоило, папа. В смысле, как сказала мама, ты мог бы отметить свой день рождения как-то по-другому, а не здесь, в одиночестве.

– И как же? Барбекю?

Джошуа искоса взглянул на сына. Панель управления мягко освещала его лицо.

– Теперь ты говоришь как твоя мать. Или дедушка. Когда-то Дэн хотел стать пилотом твена. А стал стригалем Родом, который знает все на свете.

– Ради бога, – раздраженно ответил Род, – я хотел водить твены, когда был маленьким мальчиком. И я водил, какое-то время. Но теперь нет возможностей, и тебе это известно.

Это была правда. Твены еще летали в пределах определенных районов, особенно между более индустриальными Ближними Землями, но крупный маршрут от Базовой до Вальгаллы, «Долгая Миссисипи», соединявший миллионы миров мостом торгового и культурного обмена, был фактически уничтожен взрывом Йеллоустона. И потом, после катастрофической зимы 2046 года и новой волны эмиграции с пострадавшей Базовой, торговля на Долгой Земле в основном сократилась до бартера на сравнительно коротких расстояниях.

И все равно, одно дело – поменять карьерные планы, и совсем другое – изменить имя.

Помедлив, Джошуа сказал:

– Знаешь, я думаю, твоя мама расстраивается из-за того, что ты взял имя дяди.

– Это мое второе имя. Вы сами мне его дали.

– Это правда, но…

– Это тщательно скрываемая тайна Гринов, да? Джек – великий политический активист, мама – акушерка. Когда-то они совершили героический переход, а теперь являются душой Перезагрузки. Но они бросили своего сына-фобика на Земле, и посмотри, что с ним стало в итоге.

После того как оставшийся дома восемнадцатилетний брат Хелен вместе с террористами – противниками переходов взорвали ядерную бомбу в Базовом Мэдисоне, штат Висконсин, его приговорили к пожизненному заключению. Он не так давно умер от инфекции, которую подцепил в больнице. Джошуа потрясло осознание, что тот совершил свое единственное ужасное преступление, когда был моложе, чем Род сейчас.

– Хорошо, но этим ты их как бы попрекаешь. Особенно Джека. Не надо осуждать их, Род. Они просто не нашли способа сделать так, чтобы всем было хорошо.

– Мы все совершаем ошибки, да, пап?

– По правде говоря, да. Ты просто еще не совершил свои, сынок. Или, может, ты еще о них не знаешь.

– Вот спасибо. А теперь, может, заткнешься и дашь мне вести эту штуку?

– Род, я…

– Забудь.

* * *

После этого большую часть ночи они провели в не слишком уютном молчании. В течение долгих темных часов Джошуа ругал себя за то, что сказал или не сказал, – не в первый раз, когда дело касалось его семьи.

Возможно, он немного поспал. Он подозревал, что Род тоже прикорнул, положившись на автопилот. Даже время от времени мелькающие джокеры их не беспокоили.

Солнце взошло над всеми мирами Долгой Земли.

До Базовой оставалось около пятидесяти тысяч переходов. Они все еще находились в глубине большой группы миров, известных как Рудный пояс, более холодных и не так густо покрытых лесами, как миры Кукурузного пояса, которые начинались в районе Перезагрузки и последовательно тянулись на запад. Миры Рудного пояса использовали главным образом как источник разнообразных минеральных ресурсов либо для местного пользования, либо для экспорта на Базовую и Ближние Земли, хотя даже такая торговля сокращалась. Зато здесь, возле рек и озер, можно было увидеть стада животных, по большей части четвероногих млекопитающих, но сильно отличающихся от привычных человеку: гигантские верблюды, слоны с бивнями чудной формы, на которых охотились огромные кошки. Самолет продолжал переходить, и стада, темные движущиеся массы, мгновенно пропадали из вида.

Они позавтракали печеньем Хелен и чуть теплым кофе из термоса.

Около восьми утра природа миров внизу снова неуловимо изменилась. Ледовый пояс, череда миров с периодическими оледенениями, типичным представителем которых была Базовая Земля, по крайней мере в своем первозданном виде, до того как за нее принялось человечество. Эти миры были холоднее, с раздольными прериями и лугами, леса сократились до участков тайги, а далеко на севере расположилась тундра. Во время своих вылазок на Долгую Землю и разведывательного полета с Лобсангом двадцать лет назад Джошуа узнал, что каждый мир представляет собой ответвление на грандиозном дереве вероятностей и возможностей. Чем ближе к Базовой Земле, тем больше возникало общих звеньев в цепи космических случайностей, которые привели к конкретным условиям домашнего мира, и тем более знакомыми становились пейзажи. Так что теперь на скудно населенных равнинах внизу они видели животных, рядом с которыми эволюционировало человечество, хотя не все из них выжили и были представлены в современном мире: мастодонты и мамонты, олени и бизоны. В большинстве этих Земель, должно быть, произошло эпохальное столкновение двух Америк, Северной и Южной, поскольку Джошуа и Род видели иммигрантов с юга, например гигантских ленивцев и броненосцев размером с небольшой автомобиль.

Но если не считать очень редких проблесков костра или еще более редких огней небольшого поселения, здесь не было никаких признаков человечества.

– Никого нет дома, – заметил Джошуа. – И тем не менее еще встречаются люди, особенно на Базовой, которые утверждают, что мы покорили Долгую Землю.

Род пожал плечами:

– Ну и что? Зачем обязательно что-то покорять? Почему бы просто не принимать все как есть? Ведь даже если что-то изменится, всегда можно просто перейти…

И Джошуа понял, что Род именно так смотрит на мир. Или на миры. Бесконечное сейчас, бесконечное здесь, место, где не имеют значения дата и расположение. И бесконечно щедрое. Место, где не нужно работать, строить или чинить. Место бесконечного бегства. Джошуа вдруг охватили сильные смешанные чувства. Род родился на Долгой Земле, его поколение навсегда отделено от Джошуа огромной пропастью Дня перехода, и никогда их взгляды на мир не будут одинаковыми.

Тут он бессилен. Он крепко сжал плечо Рода, но тот не ответил.

Джошуа подозревал, что оба испытали облегчение, когда наступил полдень и самолет заложил вираж над безлюдными последовательными мэдисонскими озерами ровно в трех тысячах переходов к западу от Базовой. Над единственным костром на берегу вился дымок.

И когда самолет начал снижаться, сидевшая у костра женщина встала и замахала рукой.

Глава 7

Род обменялся с Салли Линдси всего несколькими словами. Джошуа подозревал, что его сын всегда испытывал неловкость из-за напряжения между матерью и Салли, хотя, по его мнению, бродячий образ жизни Салли больше походил на тот, который выбрал для себя Род, чем оседлая работа акушерки Хелен. Род довольно вежливо попрощался и пожал руку отцу.

Потом Салли и Джошуа стояли бок о бок, наблюдая за тем, как самолет взмыл в небо, прежде чем перейти и исчезнуть. Джошуа постарался отбросить сожаления – чувство, что он упустил еще одну возможность.

Салли позволила Джошуа проглотить ланч из жареной кроличьей ножки и чашки холодного кофе, пока сама взваливала на плечи рюкзак и затаптывала костер.

– Не хочешь терять ни минуты, Салли? Ты не изменилась.

– Ну еще бы! А зачем мне меняться? В любом случае ты всю ночь отсиживал свою жирную задницу в самолете, тебе нужно размяться. Кстати, с днем рождения.

– Спасибо.

Джошуа подумал, что в свои пятьдесят пять Салли выглядит даже более подтянутой, чем когда была моложе. Она как будто высохла до какого-то затвердевшего комка.

– Послушай! – сказала она. – Ты хочешь попасть в Ближние Земли к вечеру, да? Три тысячи миров за шесть часов или около того. Нам нужно держать темп – переход каждые несколько секунд. Если делать привалы правильно, у нас получится. – Она пристально посмотрела на него. – Это если ты не станешь жульничать и срезать путь.

– Имеешь в виду, через слабые места? Нет, разве что в крайнем случае.

– У тебя день рождения. Какой, к черту, может быть крайний случай?

– У меня назначена встреча. Последний отрезок я пройду с Нельсоном Азикиве.

– С этим занудой?

– У тебя все зануды, Салли. Наверное, даже я.

– Особенно ты, Валиенте. Не льсти себе. – Она присмотрелась к нему внимательнее. – Ты в порядке? Только серьезно.

– Вернулась моя головная боль. Вот почему я сократил свой последний творческий отпуск.

– А! Головная боль Тишины. Твоя легендарная чувствительность к возмущениям в глубинах Долгой Земли…

– Салли, это не шутка. Лобсанг всегда говорил, что ты мне завидуешь из-за этого.

– Ха. Этот специалист по психологии. Ну раньше ты бывал прав…

– Прав относительно Первого Лица Единственного Числа. Прав относительно большой миграции троллей в две тысячи сороковом…

– Не надо мне перечислять. У тебя есть идеи, что происходит на этот раз?

– Нет, – печально ответил он. – И никогда не было.

– Ага? Так это нарушение? Мы идем или нет?

Ничего не ответив, Джошуа выбросил остатки ланча, надел на спину рюкзак, проверил ботинки, и они отправились.

* * *

Салли ровным шагом шла по берегу озера. Они держались подальше от кромки воды – там могли собираться животные, подстерегать крокодилы и другие водные опасности.

Они будут обходить это озеро и его последовательные версии до самого вечера, переходя на восток через каждые несколько шагов. Так просто. Последовательные озера и последовательные побережья.

– Знаешь, тебе нечего беспокоиться о сыне.

Джошуа улыбнулся.

– Даешь мне семейный совет? Ты, незамужняя, бездетная, о которой собственный отец вспомнил, только когда ты ему понадобилась подставить плечо на Долгом Марсе?

Она хмыкнула.

– Ты знаешь, что там теперь австралийские аборигены? Расселяются по Долгому Марсу. Похоже, их общественное устройство подходит для таких аридных миров. А что касается семейного совета, дети всегда восстают против образа жизни родителей. Это естественно. Поколение твоего сына, к счастью для них, выросло в совершенно ином окружении, чем ты и я. Абсолютные новые проблемы, новая этика. Особенно после того, как пала Базовая Земля и правительство перестало пытаться обложить всех налогами. И без сомнения, Долгая Земля с самого начала устроила естественный отбор умных среди тупых.

– Знаю, Салли. Я был там, помнишь? И если отбор не естественный, то ему можно подсобить, правильно?

Она бросила на него сердитый взгляд.

– Кто-то же должен этим заниматься сейчас, когда даже Мэгги Кауфман со своими военными дирижаблями появляется очень редко.

Джошуа знал, что теперь Салли зарабатывала на жизнь профессией выживальщика. В обмен на заранее оговоренную плату она остается на несколько месяцев, может, на год, с новой общиной колонистов, помогает им справляться с самыми явными опасностями, избегать первых ловушек. Джошуа знал, что для женщины, которая всегда терпеть не могла дураков, это нелегкий карьерный выбор. Физические опасности ее не пугали, но Салли с ее нетерпимостью было нелегко возиться с людьми.

Но у Джошуа на Долгой Земле были собственные осведомители, и до него доходило немало слухов о том, что Салли на самом деле творила. Она становилась все более известна самосудами. Он беспокоился о ней, о том, что она все больше сбивалась с пути. Тем не менее сейчас он ничего не сказал.

Они перешли в мир, где на земле суетилось довольно много животных, привлеченных озером. Наверное, на этой версии Земли свирепствовала какая-то засуха. Путешественники сделали привал и попили воды из бутылок. Воздух был пыльным и горячим. Стадо животных, напоминающих оленей, настороженно пило воду, гигантский ленивец поднялся на задние лапы пощипать свернувшиеся листья засыхающего дерева. Существа, похожие на больших опоссумов, беззастенчиво копошились у лап ленивца, роясь в его отбросах.

– Знаешь, Джошуа, мы с тобой отличаемся от остальных. Мы не селяне и не горожане Базовой. Но мы и не пионеры. Мы не колонисты, как твоя мышка Хелен.

– Эй, она не мышка. И больше не моя…

– Мы одиночки. Одиночки просто выживают, идут вперед. Они ничего не строят, как пионеры. На Долгой Земле всегда будет место для таких, как мы. Нам не нужны никакие определения. У нас нет ролей. Даже в той степени, в какой они есть у стригалей, которые сознательно выбирают такой образ жизни: неспешно кочевать, не беря ничего, кроме плодов с низких веток. Мы – просто мы. Отделенные от человечества.

– И от человеческих ценностей? Это ты пытаешься сказать?

– Я говорю, что у меня есть собственные ценности. Думаю, как и у тебя.

Джошуа испытующе посмотрел на нее, пытаясь понять, и у него ничего не вышло, как и за все двадцать с лишним лет знакомства.

– Грех или нет, но ты не карающий бог, Салли. Тебе нужно…

– Мне не нужно, чтобы ты указывал мне, как себя вести. – Она взяла рюкзак. – Скоро мы войдем в Ледовый пояс. Нужно подняться повыше, чтобы после перехода быть надо льдом.

– Ты же знаешь, я делал это раньше…

Они все время пререкались, как и предсказывала Хелен. Салли направилась прочь от воды, постоянно переходя. Джошуа ничего не оставалось, как следовать за ней, все время чуть позади ее мелькающей фигуры.

Глава 8

Салли привела его на Запад-30. Здесь, на перешейке между мэдисонскими озерами, построили прибрежный комплекс. Натриевые лампы светились в ранних сумерках, на парковке рядами стояли гольфкары. Спортивная гостиница, туристический комплекс. Такие штуки встречались в «значимых» мирах, например с круглыми номерами: Запад-30, Восток-20. Очевидно, несмотря на вулканическую зиму, осталось достаточно богачей, чтобы содержать подобные места.

Нельсон Азикиве, в ботинках и подходящей для путешествий по Ближним Землям одежде, ждал их в назначенном месте, прямо у парковки.

Салли поправила рюкзак и с презрением осмотрелась.

– Туристы. Я сваливаю. Берегите себя, Нельсон, Джошуа.

– Ты тоже… – ответил Джошуа.

Но, конечно же, она уже исчезла с легким хлопком.

Джошуа тепло пожал Нельсону руку.

– Спасибо, приятель.

– Друг Лобсанга – мой друг, а мы с тобой знакомы уже довольно давно. Я рад быть твоим спутником на последнем отрезке долгого пути. Нельзя оставаться одному в свой день рождения.

У Нельсона был мягкий, приятный акцент: южноафриканская отрывистость, на которую накладывались более четкие британские согласные. Похоже, Нельсон совсем не изменился с тех пор, как Джошуа видел его в последний раз, на похоронах Лобсанга. Разве что к шестидесяти годам в его черных волосах появилось чуть больше седины.

В стоявшей в полумиле гостинице грянула электронная музыка. Нельсон поморщился.

– Думаю, это знак. Пора сделать первый переход?

* * *

Гостиница исчезла. На Западе-29 берег озера, к счастью, сохранился в первозданном виде.

Под воздействием перехода Нельсон смог держаться прямо – многие бедняги после перехода складывались пополам от тошноты, несмотря на лекарства, – но Джошуа заметил, что он поморщился.

– Ты уверен, что хочешь? В конце концов, это всего лишь прихоть.

– Джошуа, это последняя стадия твоего падения с небес. Сначала ты летел по небу, словно Святой Дух, или, может, как бесплотная душа Лобсанга между реинкарнациями. Затем ты смело шагал вместе с Салли Линдси, суперчеловеком. И теперь последние несколько переходов должен тащиться с таким стариком, как я, простым смертным. Уверяю тебя, мы завершим оставшиеся двадцать девять стояний Крестного пути до полуночи. Конечно, мы не можем задерживаться в радиоактивных развалинах самого Базового Мэдисона, но мне сказали, что сестры в Приюте на Западе-5 подготовили для тебя небольшой праздник. Хотя, думаю, рассчитывать лучше на торт, чем на шампанское.

– С удовольствием.

– Думаю, я отдохнул. Еще переход?

На Западе-28 шел легкий дождик, и хотя на перешейке было пусто, в паре миль к югу виднелись огни.

Через десять минут они перешли еще раз. На холме, где в Базовом Мэдисоне располагалось здание Капитолия – или, с 2030 года, его развалины, – стояла каменная колонна с памятной табличкой.

– В Англии, – сказал Нельсон, – где у меня, как ты знаешь, приход, после римлян первые христианские миссионеры, пытавшиеся обратить язычников-саксов, устанавливали в редких деревнях каменные кресты как символ церквей, которые однажды будут построены. Множество крестов сохранилось, даже сейчас. И таким же образом во времена Эгиды американское правительство размещало свои символы в значимых местах в остальном пустых миров. Эхо грядущих поселений.

– Значит, ты все-таки повидал последовательные миры.

– О да. Хотя никогда не получал удовольствия от перехода. Один раз я путешествовал с Лобсангом по дальней Долгой Земле… Но мне нравятся вылазки на Ближние Земли, точнее в Ближние Британии. Даже сегодня, после интенсивной эмиграции из-за Йеллоустонской зимы, эти миры остаются во многом дикими. Ближайшие десять или около того миров к западу и востоку приняли поток приблизительно в половину населения Базовой перед извержением, но даже на Западе-1 численность населения примерно равна численности населения на Базовой около 1800 года. Дай нам несколько веков, и мы все восполним, не сомневаюсь. Но пока даже Ближние Земли – это пустые залы. И Ближние Земли – та же Земля, какой она была до появления людей, где-то в межледниковье, перед последним ледниковым периодом. Поскольку тролли и прочие гуманоиды избегают Базовую, даже эти боковые ветви человечества не повлияли на миры. Поэтому Ближняя Британия – страна девственных дубовых лесов, лугов и вересковых пустошей, страна воды и света, где слоны, носороги и медведи обитают вместе с барсуками, оленями и куницами… Полная чудес из утерянного прошлого человечества. Меня не тянет дальше.

Осмотревшись по сторонам, Джошуа не заметил огней в сгущающихся сумерках.

– Уже темнеет. У меня есть фонарик.

– У меня тоже. Идем дальше. Возможно, позже придется зажечь факелы, чтобы отпугивать местных хищников.

После этого они преодолели порядочное расстояние, переходя каждые несколько минут. Ходьба пешком помогала Нельсону преодолеть тошноту.

К Западу-11 Нельсон выдохся и был готов к более продолжительному привалу. Они сидели на небольшом холме, с которого открывался вид на еще одну копию Мэдисонского перешейка, но здесь существовало большое поселение, самое крупное из всех, что они видели до этого. Оно раскинулось под тонкой вуалью древесного дыма, в некоторых окнах горел ровный электрический свет. Джошуа даже краем глаза увидел возле грунтовой дороги табличку:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МЭДИСОН-ЗАПАД-11.
ОСНОВАН В 2047 ГОДУ ОТ Р. Х.
ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НЕПОСТОЯННА.
ЧТОБЫ ЖИТЬ ЗДЕСЬ, БЫТЬ БЕЗДОМНЫМ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.
НО ЖЕЛАТЕЛЬНО.

Ближайший видимый с тропы дом на деле был лачугой, увешанной гирляндой масляных фонарей и построенной из всякой всячины, принесенной с Базовой: гипсокартона, рубероида, пластмассовых водостоков. На неогороженном участке за домом рос картофель, бродили куры и козы, валялась куча грубо отесанных досок. С южной стороны, на солнце, стояла конструкция из какого-то гофрированного пластика, к ней крепились чистые пластиковые бутылки с водой. Джошуа знал, что это дешевый способ очистки воды: ультрафиолет убивает большинство бактерий.

На дороге из города показался одинокий автомобиль. Пожилой мужчина за рулем коснулся выгоревшей на солнце шляпы в знак приветствия. Внутри хлипкого открытого автомобиля урчали электромоторы. Джошуа предположил, что когда-то это был гольфмобиль, ездивший на аккумуляторах и собранный из деталей, которые можно переносить – никакой стали, – для использования на огромных полях для гольфа, которые до Йеллоустона занимали на Ближних Землях последовательные копии многих городов Базовой. Но теперь крышу автомобиля покрывала пленка с фотоэлементами, и вез он молочные бидоны, а не клюшки для гольфа. Тем временем на придорожной ферме Джошуа разглядел очертания более солидной техники, похожей на трактор, но с чем-то вроде толстого каминного дымохода сзади. Вероятно, для переработки биотоплива, генератор газа – устройство, которое сжигало дрова и выделяло водород и метан.

Все это было знакомо Джошуа. Колония Мэдисон-Запад-5, построенная из вторсырья, была характерна для второй крупной волны иммиграции с пострадавшей Базовой Земли.

Как всегда, проблема заключалась в климате. К 2046 году, через шесть лет после взрыва Йеллоустона и начала вулканической зимы, все более-менее стабилизировалось, хотя и не становилось лучше. Люди продолжали умирать. Джошуа вспомнил доклад, в котором говорилось, что в конечном итоге от легочных заболеваний, вызванных пеплом, погибло больше людей, чем непосредственно от взрыва. Но затем климат достиг какой-то критической точки – некоторые говорили, что дело в исчезновении Гольфстрима, но к тому времени сбор научных данных стал настолько отрывочным, что невозможно было сказать наверняка, – и зима в том году выдалась страшнее, чем когда-либо. Реки покрылись льдом, замерзли порты, сельскохозяйственные районы Среднего Запада сковала вечная мерзлота. Когда из-за мороза начали останавливаться большие гидроэлектростанции в Квебеке, американская сеть электроснабжения вышла из строя, и люди в итоге покинули такие крупные города, как Бостон и Нью-Йорк.

По всей Америке люди, шесть лет цеплявшиеся за свои дома, наконец сдались и ушли или уехали либо на юг Базовой, либо в последовательные миры западных и восточных Ближних Земель. Лагеря беженцев заполонили поселения, которые и так с трудом выживали. Со временем начали появляться новые города, как этот на Западе-11, города иного типа, использующие остатки со свалок старого и ищущие новые решения. Древесина, которой изобиловали Ближние Земли, использовалась в генераторах газа вроде того, на который сейчас смотрел Джошуа. Этот источник топлива пока был доступнее угля, нефти или ядерных реакций. Из музеев на Базовой выгребли все прялки, ткацкие станки и паровые двигатели девятнадцатого века, чтобы использовать как образцы для новых видов промышленности. Электричество добывалось всевозможными способами, например с помощью генераторов переменного тока и аккумуляторов с транспортных средств, как у этого гольфмобиля. Их приделывали к ветряным мельницам или самодельным гребным колесам в реках. Компьютерные сети все еще оставались редкостью за пределами более крупных и старых последовательных городов вроде Вальгаллы, но в городке типа этого должны быть рации и коротковолновое радио, а может, кто-нибудь проложил медные провода для телефонной связи.

Конечно, основой всему было сельское хозяйство, с самого дня взрыва – всех перемещенных людей надо было кормить. В 2047 году случился крупный международный инцидент, когда ВМФ США разграбил Всемирное семенохранилище на норвежском острове Шпицберген, забрав оттуда образцы семян негибридных культур – более примитивных и выносливых, которым нужно меньше ухода, чем сортам, распространенным на обширных механизированных полях Базовой до взрыва Йеллоустона.

Но Джошуа считал, что жизнь налаживалась. Даже если эти новые, похожие на лоскутные одеяла города Ближних Земель не походили на другие: ни на своих Базовых предшественников, ни даже на примитивные колониальные города Долгой Земли, такие как Перезагрузка и Черт-Знает- Где. Мэдисон-Запад-11 всегда будет смесью старого и нового. Тут не поводишь

машину, на проселочных дорогах очень мало автомобилей, только фермерские грузовики, санитарные и полицейские машины и велосипеды. Не переведешь деньги через интернет, придется стоять в очереди в отделении банка, как управляющему, которого сыграл Джимми Стюарт в «Этой прекрасной жизни». И все же эти причудливые порядки начала двадцатого века пестрели кусочками высоких технологий вроде пленки с фотоэлементами на соломенных крышах.

И сама Базовая Америка была не полностью оставлена даже сейчас. Американцы осознали: то, чего они достигли со своей страной размером с континент, само по себе исторический памятник. Так что новые миры прикладывали усилия, чтобы спасти старый.

Нельсон, явно утомленный, молчал с тех пор, как они присели отдохнуть.

Джошуа шутливо ударил его в плечо.

– Осталось немного, старина.

Нельсон уныло улыбнулся.

– Я рад, что выдержал путешествие.

– Я тоже. В твоей компании всегда было хорошо. И ты всегда заставлял меня думать.

– Ой. Даже в твой день рождения? Мои глубочайшие извинения. – Он искоса взглянул на Джошуа. – Конечно, большинство из нас отмечают подобное событие в кругу семьи и друзей. Сам я потерял связь с семьей в хаосе последовательных Йоханнесбургов задолго до Йеллоустона. И вот, пожалуйста, ты, Джошуа, скитаешься в одиночестве – ну, почти – в такой знаменательный юбилей.

Джошуа пожал плечами.

– Теперь я больше домосед. Даже Салли это признает. Но знаешь, иногда я скучаю по другим видам. Например, по биглям. – Так назывались собакоподобные разумные существа с очень дальней Земли. – Жизнь становится скучной, когда разговариваешь только с людьми.

– Я думал, именно бигль оттяпал тебе левую руку.

– Никто не идеален. И он считал, что оказывает мне услугу. Что до остального, то, кажется, у меня действительно трудности с созданием семьи.

– Может быть, потому, что ты сам не рос в семье, – серьезно сказал Нельсон. – Лобсанг давным-давно рассказал мне твою историю. Твоя мать, бедняжка Мария Валиенте, произвела тебя на свет в одиночестве и умерла всего в пятнадцать лет. Твой отец неизвестен. Конечно, Агнес и сестры из Приюта заботились о тебе, но это всего лишь частичное возмещение такой потери, даже если ты никогда этого не осознавал.

– Лобсанг выяснил кое-что о моей матери. – И отдал Джошуа бесценную реликвию, обезьяний браслет, глупую игрушку, принадлежавшую ребенку, которым являлась Мария, когда родила его… – Однако про отца – ничего.

Нельсон нахмурился, глядя вдаль.

– Что весьма необычно, если подумать.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что даже если Лобсанг не смог ничего найти, то это скрыто специально. Кем-то, как-то, по какой-то причине. – Он широко улыбнулся. – Я заинтригован, Джошуа. Такие загадки всегда меня привлекали. Знаешь, я нашел самого Лобсанга, идя по следу, хотя потом и оказалось, что он все подстроил. И поскольку Лобсанга больше нет, моему миру недостает теорий заговора.

Джошуа внимательно смотрел на него.

– Ты подумываешь заняться поисками, да?

Нельсон похлопал его по руке и быстро встал на ноги.

– Идем дальше? Множество свечек на именинном торте сами себя не задуют.

– И то верно.

– Много, много свечек…

– Нельсон, я понял.

– Хм-м. Но ты хотел бы, чтобы я проверил? Насчет твоего отца. Считай это еще одним подарком на день рождения. Если ты предпочитаешь, чтобы я этого не делал…

Джошуа заставил себя отбросить сомнения.

– Займись этим.

– А если я действительно обнаружу что-нибудь, – учитывая обстоятельства короткой жизни Марии, это может оказаться неутешительным. Когда тянешь за такую ниточку, никогда не знаешь, что распутаешь.

– Нельсон, я взрослый человек. – Но он помнил, как его обескуражили открытия Лобсанга насчет матери. – Слушай, я доверюсь твоему здравому смыслу, что бы ты ни нашел. По моей команде. Раз. Два…

Оба исчезли с легкими хлопками.

Глава 9

Не успело воздушное судно бросить якорь на низком холме в центре Нью-Спрингфилда в последовательном Мэне на Западе-1217756, как начали собираться соседи. Агнес почему-то нервничала, будто перед выходом на сцену. Подумала, что с этого момента у нее начинается новая жизнь, в конце лета 2054 года – спустя полных девять лет после «смерти» Лобсанга – в новом доме, среди новых людей.

Трехлетний Бен тоже видел соседей. Выпрямившись во весь рост и ухватившись пухленькими ручками за перила, он с трудом, но дотягивался до больших обзорных окон гондолы. Этот независимый маленький мальчик не любил, когда его берут на руки. Когда загудели лебедки, равномерно опуская твен на землю по якорным тросам, Бен запрыгал от волнения.

– Еще бы они не пришли, – сказала Салли Линдси, стоявшая рядом с Агнес. – Такой уж народ. Посмотреть на новеньких. Возможно, поприветствовать. Если необходимо, убедиться, что вы не представляете угрозы.

– Хм. А если бы представляли?

– У здешнего народа есть способы с этим справиться, – тихо ответила Салли. – Просто помни, что это большой мир. Почти весь зарос джунглями, как здесь, если не гуще. И всего несколько поселков. Проблемы здесь решаются легко.

– Тебя послушать, так даже в пустых мирах будет клаустрофобия.

– Здесь вообще хорошие люди по сравнению с другими местами. Иначе я бы не посоветовала вам лететь сюда.

Однако Салли произнесла это с какой-то насмешливой ноткой в голосе – ноткой, которая была в нем с самого начала, когда Лобсанг обратился к ней за советом. (Точнее, Джордж обратился за советом, напомнила себе Агнес. Отныне и навсегда он Джордж Абрамс, а она не сестра Агнес, а миссис Агнес Абрамс, преданная жена Джорджа. А маленький Бен больше не Огилви, а тоже Абрамс. Так гласили документы об усыновлении, подписанные и датированные 2054 годом. Пришлось прождать столько лет, пока органы власти, страшно загруженные работой в неразберихе после извержения Йеллоустона, наконец одобрили их как опекунов…)

Салли давно знала Лобсанга, и ее позабавил его выбор образа жизни.

– У Лобсанга сын? Фермерство – ладно. Кошка – я могу понять. Разумеется, он взял Шими. Лобсанг и его проклятая кошка. Но сын?

– Бен – сирота, – возразила Агнес. – Мы можем дать ему лучшую жизнь, чем…

– Лобсанг хочет сына?

– Салли, Лобсанг восстанавливается. Полагаю, после какого-то сбоя.

– О, этому я не слишком удивляюсь. Я считала его таким уникумом: древний искусственный интеллект, куча поколений технологии, нагроможденных друг на друга. До этого у нас никогда не проводилось таких экспериментов, как Лобсанг. Сложные системы, от экологических до экономических, могут запросто давать сбои… Но у большинства сложных систем сбой не приводит к желанию играть в счастливое семейство.

– Не будь такой злой, Салли. Он всегда по-своему служил человечеству, но со стороны. Теперь он хочет постичь человечность более полно. Он хочет быть человеком. Поэтому мы будем жить в обычной человеческой общине, настолько анонимно, насколько сможем. Мы даже собираемся симулировать болезни, старение…

– Он уже симулировал собственную смерть.

– Это другое…

– Я была на похоронах! Агнес, Лобсанг не человек. Он Дэниел Оливо![1] И он хочет сына?

[1] Робот, один из основных персонажей произведений А. Азимова.

С ней невозможно было разговаривать. Хотя, насколько могла судить Агнес, Салли ответственно подошла к выбору будущего дома для их семьи. В самом деле, здесь, в Нью-Спрингфилде, уже жили люди, судя по всему, счастливые и здоровые. И все же почему этот проект всегда так забавлял Салли? Даже сейчас, когда они прилетели, она как будто скрывала какую-то собственную шутку?

В кабину вошел Лобсанг. Запертый в передвижном модуле, известном как Джордж Абрамс, он выглядел лет на шестьдесят: редкие седые волосы, смуглая кожа, большую часть привлекательного лица закрывает борода. На нем была рубашка в клетку и джинсы. Агнес до сих пор не могла привыкнуть к тому, что он больше не носит оранжевое одеяние буддистского монаха.

– Все, мы приземлились, – сказал он. – Пойду достану кофейник, пока не пришли соседи.

Первое впечатление всегда важно. Агнес потренировалась приветливо улыбаться, работая щеками и чувствуя, как растягиваются губы.

Салли наблюдала с циничным видом.

– Неплохо. Если не знать, что ты тоже кукла…

– Спасибо, Салли.

* * *

Агнес, держа Бена за руку, спустилась по короткому трапу с приземлившейся гондолы и сделала первый шаг по этому новому миру, своему дому. Хотя бы погода хорошая, на голубом небе ни облачка, кроме нескольких странных полос с востока на запад. На восточном небосклоне висел серебряный полумесяц, будто приветствуя прибывших. Очевидно, этот холм когда-то расчистили, а потом забросили. Между низкими пнями павших гигантов проросли молодые деревца. Вокруг стояли покинутые жилища, недостроенные и настороженные. Лобсанг намеревался занять один из этих больших старых домов и отремонтировать его, а наполовину расчищенные поля использовать под посадки.

Кошка Шими, сбежав по трапу, с наслаждением потянулась на солнышке и сказала:

– О, как чудесно оказаться на просторе!

– Запомни золотое правило, ты, пластиковая блоховозка, – повернулась к ней Агнес. – Никаких разговоров! Ты здесь кошка, просто кошка и ничего кроме кошки – как считает Бен и все остальные. А еще тебе больше двадцати лет. Веди себя в соответствии с возрастом.

– Да, Агнес. – Кошка была белой, изящной, здоровой на вид, ее глаза немного жутковато горели зеленым огнем. Певучий женский голос исходил из маленьких динамиков в животе. – Обещаю, буду вести себя хорошо. Просто это такое облегчение, что теперь ничего не надо делать. Я ушла в отставку из ВМФ под началом Мэгги Кауфман. А теперь пора выяснить, какие эквиваленты мышей и крыс обитают в этом чудесном новом мире…

Она стрелой бросилась в кусты.

Бен рассмеялся от удовольствия под теплым солнцем позднего утра и тоже сразу убежал в заросли, которые были ему по пояс. Агнес это предвидела – он так же поступал на каждой остановке по пути сюда.

– Бен, не теряйся из виду.

– Хорошо, Аг-нес-с.

Тем временем Лобсанг/Джордж уже работал в гондоле, откручивая болты и защелки, которые крепили ее к внутреннему каркасу оболочки твена. Облицованная керамикой и алюминием съемная гондола размером с передвижной дом подвешивалась к двухсотфутовой оболочке твена. Рядом с ним Салли, орудуя на панели управления, выпускала из оболочки гелий, подъемный газ, в камеры под давлением, чтобы судно не улетело, когда освободится от веса гондолы.

Они планировали, что Салли отгонит оставшуюся часть корабля в сухой док Корпорации Блэка на Ближних Землях. Снятая гондола послужит Лобсангу и его «семье» временным убежищем в первые дни, недели и месяцы. В ней были инструменты, запасы семян, медикаментов и витаминов, кастрюли и сковородки для кухни и даже животные: куры, козлята и пара супоросных свиней. Все, что нужно для отличного старта этой новой игры в пионеров. Кроме того, в гондоле было несколько секретов, которые нужно держать в тайне от соседей и которые скрывались за синими дверями. Это мастерская для передвижных модулей, включающая маленькую фабрику по производству геля и нанотехнологическую косметическую установку, которая позволит Джорджу и Агнес «стареть» естественно. Здесь была даже мастерская размером с собачью конуру для обслуживания кошки.

Даже в другой ипостаси у Лобсанга сохранились связи с Корпорацией Блэка, чтобы все это соорудить.

– Не обязательно ехать через Перевал Смерти на муле, – сказал он. – Ни к чему лишние тяготы. Нет ничего плохого в том, чтобы пользоваться благами прошлой цивилизации, когда мы начинаем все заново. Кроме того, с нами будет маленький мальчик, помнишь? Крыша над головой, если в первую же ночь пойдет дождь, нам очень пригодится…

Может, это все и нужно, думала Агнес, но не могла не задаваться вопросом, какое впечатление это блестящее сооружение произведет на их новых соседей. Они продолжали взбираться на холм и показались ей толпой оборванцев. Но она заметила, что дети уже в восторге от животных, большинство которых еще сидели в гондоле: овцы, козы, куры, коровы с молодым бычком на развод и пара мускулистых молодых лошадей. До Агнес дошло, что эти дети, наверное, никогда не видели коров и лошадей.

Ошеломленная, она почувствовала, что ей нужно немного побыть одной.

Она отправилась за Беном по пологому склону на вершину этого невысокого холма. Идти было легко, если обходить упавшие деревья, ветви которых, казалось, раскинулись повсюду. Земля под ногами была мягкой, ее покрывал какой-то папоротник, пробивающийся между заросшими лишайником стволами. На взгляд Агнес все было очень привычным, но в то же время не совсем, если присмотреться. Например, к какому виду относятся эти деревья? Ей говорили, что в этой части света деревья в основном вечнозеленые, даже на широте Мэна. Разница между сезонами года в этом теплом влажном мире незначительна, и мало деревьев сбрасывают листву с приходом осени. Но виды деревьев Агнес не узнавала.

Через несколько шагов она добралась до стены из сухой каменной кладки, возведенной каким-то поселенцем, чтобы держать за ней домашних животных. Стене не могло быть больше нескольких десятилетий – после Дня перехода не прошло и сорока лет, а до тех пор люди за пределами Базовой появлялись очень редко – только несколько прирожденных путников бродили по безлюдью. Но стена уже исчезла под зеленью.

Агнес видела историю этого места, этого холма. Должно быть, колонисты начали расчищать лес для полей и скота, даже построили те большие дома. Потом, спустя короткое время, они, по-видимому, сдались и занялись другими делами – чем тут сейчас занимается большинство людей, чтобы прожить? И теперь лес отвоевывал свои владения обратно или хотя бы пытался отвоевать. Вот почему Салли сочла этот заброшенный участок подходящим местом для фермы Лобсанга и Агнес – большая часть тяжелой работы по расчистке леса тут уже была проделана.

А вокруг низкого холма с его заброшенными хозяйствами повсюду простирался лес, дремучий и зеленый. Агнес прекрасно знала, что это мир деревьев. Густые вечнозеленые леса покрывали большую часть Северной Америки. В южных широтах это были экзотические дождевые леса, в Арктике – причудливые широколиственные листопадные деревья. Даже Антарктида заросла деревьями до самого полюса, и Лобсанг обещал, что они когда-нибудь там побы-

вают. Этот мир располагался далеко от Ледового пояса, внутри которого находилась и Базовая Земля, родной мир Агнес. Здесь, похоже, леса обосновались еще со времен динозавров.

И жизнь в этих всемирных лесах не была похожа на жизнь в ее родном мире. Агнес отовсюду слышала звуки живых существ: странное уханье и крики разносились эхом, словно она стояла в огромном соборе. Время от времени раздавался треск, будто через подлесок пробирался какой-то крупный зверь.

К ней, потягивая воду, подошла вспотевшая после работы Салли Линдси. Агнес с одобрением отметила, что та первым делом проверила, где Бен, – тот с восторгом рассматривал какой-то термитник.

– Соседи, – только и сказала Салли.

Вокруг Лобсанга и гондолы собралась горсточка людей в одежде приглушенных коричневых и зеленых цветов – мужчины, женщины и дети. Один мальчик, на вид лет двенадцати, наклонился погладить послушную Шими, и Агнес услышала его чистый, звонкий голос:

– Милашка, да? Но погоди, попадешься на глаза моей Рио. Увидишь, придется тебе побегать…

– Дети станут вашими друзьями до гроба, если вы позволите им погладить лошадей, – сказала Салли. – Лобсанг уже поставил кофеварку на газовую плиту.

– Чтобы в первый же день показать всю нашу роскошь?

Салли пожала плечами.

– Произвести приятное впечатление на соседей никогда не лишнее. Кофе – это хорошо. – Она пристально посмотрела на Агнес. – Как ты себя чувствуешь?

Подумав, Агнес честно ответила:

– Не знаю. В теории все было прекрасно. Сорваться с насиженного места, ринуться за миллион миров. Составлять планы и заниматься сборами было увлекательно, даже полет на твене был увлекательным. И, конечно, замечательно, что в нашей жизни появился Бен. Но теперь, когда я здесь…

– Все слишком странно? Ты удивишься, сколько людей стараются скрыть такую реакцию.

– Что ж, я не притворяюсь. Я городская девочка. Когда-то я думала, что потерялась в лесу, если пропадал из виду магазин сувениров в дендропарке Мэдисона. А теперь это.

– Если тебя утешит, люди пытаются жить и в худших местах. Это приятные миры: теплые, влажные, почти без смены времен года. И относительно безопасные. Вот почему я выбрала для вас это место. Потому что обитатели этих лесов небольшого размера. – И в свойственной для себя манере она добавила: – Ну в основном.

«Салли добра, – подумала Агнес. – Ободряет, как умеет; ей всегда была свойственна резкость».

С запада подул на удивление резкий ветер. Нахмурившись, Салли обернулась, придерживая потрепанную шляпу. Лес вокруг зашумел, а общее уханье и карканье переросло в тревожные крики. Агнес увидела, что редкие облака сгустились, превратились в длинные полосы – почти как следы от реактивного самолета, хотя никакие самолеты не бороздили эти небеса.

Заметила она и кое-что еще: вспышку краем глаза, и поймала себя на том, что смотрит на половинку Луны, знакомый объект в голубом небе. Агнес готова была поклясться, что вспышка произошла на Луне, на ее темной половине. Возможно, ничего особенного. Светлячок? Птица? Она еще не видела здесь птиц. Или, что более вероятно, у нее что-то с глазами.

Ни одно из объяснений ее не убедило. Инстинкт подсказывал: здесь что-то не так. И по реакции Салли Агнес поняла, что та тоже это чувствует.

Бен потянул ее за руку, возвращая к реальности.

– Аг-несс?

Она заставила себя улыбнуться.

– Да, солнышко. Пойдем пообедаем и познакомимся с новыми друзьями?

– Пообедаем!

Глава 10

Через пару дней, когда Салли и корабля уже не было, всю семью пригласили на праздник с танцами. Он должен был проходить на поле вниз по ручью, огибавшему холм, на котором стояла их гондола, и – как решили в последний момент – в паре переходов на восток, поскольку в тот вечер погода там была получше. Конечно, они согласились бы, даже если бы не оказалось, что мероприятие устраивали в их честь.

Немного нервничая, Агнес готовилась к вечеру. Перед путешествием, когда они в последний раз были в лабораториях Корпорации Блэка, Агнес попросила, чтобы тело ее передвижного модуля выглядело лет на пятьдесят пять, немного моложе Лобсанга. И всего на сорок лет или около того моложе ее календарного возраста… Что ж, однажды ей уже было пятьдесят, она знала, как лучшим образом уложить свои седеющие волосы, к тому же она взяла с собой славное платье в клеточку, которое подойдет на вечер. Лобсанг надел яркую клетчатую рубашку, джинсы и ковбойские сапоги, а маленького Бена нарядили в уменьшенную версию такого же костюма. Эта одежда не прослужит долго, через несколько месяцев он из нее вырастет, но Салли предложила взять ее как раз на такой случай, чтобы произвести первое впечатление.

Итак, подготовившись, они присоединились к соседям.

Танцы оказались именно такими, как и ожидала Агнес. Небрежно расчищенное и огороженное поле у ручья явно предназначалось для овец: Агнес заметила неподалеку загон с небольшой отарой. Сейчас, в сгущающихся сумерках, поле освещали факелы, распространяющие запах смолы. Здесь был грубоватый распорядитель, пара скрипачей играли, стоя на ящиках, и около пятидесяти мужчин, женщин и детей, выстроившись рядами, кружились в танце. В представлении Агнес, подобную сцену можно было увидеть где-нибудь в сельской части Америки на Базовой несколько десятилетий, а то и веков тому назад. Единственное отличие состояло в том, что на поясе у каждого танцующего болтался переходник на всякий непредвиденный случай.

В одном конце поля устроили бар, где можно было выпить сока какого-то неизвестного цитрусового, воды или весьма сносного домашнего пива. Там стояло даже несколько бутылок виски. Шипело и трещало барбекю, но еда на решетке была в основном незнакома Агнес: полоски красного мяса, предположительно мелких местных млекопитающих, называемых пушистиками, и громадная птичья голень, должно быть, принадлежавшая одной из местных «больших птиц». Последняя больше напоказ, чем для еды: вероятно, уйдет вся ночь, чтобы приготовить кусок мяса размером с целую индейку. Еще было печенье из овсяной муки и дольки тыквы. Вокруг носились несколько собак, лая или выпрашивая объедки. Шими, вполне естественно, не показывалась на глаза.

Скоро новые соседи подхватили Агнес и Лобсанга и втянули в круг.

Во время своей зря растраченной юности Агнес достаточно танцевала, чтобы знать основы, но сейчас ей пришлось быстро учиться новым шагам по ходу дела. Лобсангу, кажется, танцы давались труднее, он даже раз споткнулся и приземлился на задницу, но соседи, смеясь, подняли его на ноги.

Жара, шум и смех скоро утомили Агнес – или, скорее, бесчувственное программное обеспечение в ее наполненной гелем голове запустило программы, симулирующие усталость, привело в действие искусственные потовые железы и заставило механические легкие сильнее качать теплый воздух. Она попыталась принять эти ощущения и не обращать внимания на то, что вводит в заблуждение явно хороших людей.

Когда она решила передохнуть около сооруженного на скорую руку бара, к ней присоединился Лобсанг.

– Я всегда буду жалеть, что теперь обладаю сознательным контролем над степенью опьянения, – сказал он, потягивая виски. – И мы могли бы получше подготовиться. Мы девять лет учились быть пионерами. Надо было просто загрузить приложение с сельскими танцами.

Агнес хмыкнула.

– Так неинтересно. А как же реализм? Ты городской парень, приехавший учиться деревенской жизни, Лоб… Джордж. Привыкай. Получай удовольствие.

– Да, но…

Он не успел договорить, две дородные женщины средних лет схватили его под локти и утащили обратно в ряд.

К Агнес подошла улыбающаяся темноволосая женщина лет сорока с полным стаканом лимонада.

– Извините. Нам всегда не хватает мужчин на танцах, и Белла с Мэг могут быть немного буйными, когда видят свежее мясо. Как большие птицы во время охоты.

– Свежее мясо? Джордж был бы польщен. Боюсь, в нас нет ничего свежего.

– О, я бы не сказала. Вы производите приятное впечатление. – Женщина протянула руку: – Я Марина Ирвин. Мой муж Оливер где-то там.

– Ирвин. О, так это ваш мальчик присматривает сегодня за нашим сыном. Никос?

– Да. Уверена, за соответствующую плату. Такой капиталист, мой Никос, и это двенадцатилетний мальчишка, который вырос в лесу.

– Очень любезно с его стороны пропустить танцы из-за нас.

– Ну он пошел на жертвы. Но дайте ему еще годик, и мы не оттащим его от девочек…

«Возможно», – с сомнением подумала Агнес. За многие годы в Приюте Мэдисона она повидала достаточно двенадцатилетних мальчишек, и Никос сразу показался ей весьма славным ребенком – но ребенком, у которого есть тайна, большая, и это наблюдение не давало ей покоя с момента их знакомства.

– Кстати, я не против, если вы дадите ему какую-нибудь работу у себя на ферме, – продолжала Марина. – Ему будет полезно. Мало кто из нас теперь занимается сельским хозяйством.

– Там овцы, – показала Агнес.

– Да. Мы держим овец в основном ради шерсти. – Она разгладила свое платье, которое, как заметила Агнес в тусклом свете, было вязаным и окрашенным в приятный яблочно-зеленый оттенок, вероятно, каким-то растительным красителем. – От местных пушистиков – лесных зверьков – можно получить только кусочки кожи. Даже от перьев больших птиц больше пользы. – «У нее приятный акцент, средиземноморский, наверное греческий», – подумалось Агнес. – Мы выращиваем кое-что, в основном картофель. Для переходников. И для запасов пищи на черный день, хотя этот мир такой милостивый, что нам редко приходится туда залезать.

Однако не успела она это сказать, как снова поднялся ветер, и Марина, озадаченно нахмурившись, убрала со лба выбившуюся прядь.

– Первые поселенцы собирались заниматься сельским хозяйством, – продолжала она. – Они расчищали лес, размечали поля и прочее. Старый участок Барроу на холме Мэннинг, который вы заняли, – один из них, как вы поймете. А второй – старый дом Паульсонов, знаете, обменник, наш местный дом с привидениями! Мой Никос все время там пропадает, думаю, для них с друзьями это что-то вроде клуба. С возрастом это пройдет.

– Но фермерство не прижилось, – напомнила Агнес.

– Да. Теперь мы расселились по последовательным мирам. У нас есть дома, как видите, но они в разных местах, сезонные. Мы вместе работаем, чтобы содержать фермы для овец, несколько кур, выращивать картофель и тому подобное. И у нас нечто вроде графика собраний,

встреч вроде этой. В остальное время мы просто бродим. К слову, мы не стригали! Оливер обижается, если его так назвать.

– Понимаю. Просто легкая жизнь по сравнению с фермерством.

– Да, в этом и смысл. Эти миры такие богатые, зачем нашим детям гнуть спины за плугом? Но, – торопливо добавила она, – такая жизнь не для всех. Это вовсе не значит, что вы не добьетесь успеха с фермой, если вы этого хотите. Каждому свое.

– Хорошая философия.

– Я хочу сказать, вы отлично впишетесь. Если вы действительно будете выращивать пшеницу и прочее, мы с радостью будем покупать. – Марина отпила свой лимонад. – И ваш мальчик, похоже, вырастет большим и сильным, как его… отец?

Агнес подавила улыбку, менее неприкрытого прощупывания не придумаешь.

– Уверена, вы уже слышали. Бен не наш ребенок. Мы его усыновили.

– Я и правда кое-что слышала, люди сплетничают, вы же понимаете. Но я не хотела делать предположения насчет того, что вы, возможно, не хотите рассказывать.

– Лучше не скрывать. – И Агнес ощутила укол католической совести, как только слова сорвались с губ ее собственного замаскированного передвижного модуля. – Кстати, его настоящая фамилия Огилви, на случай, если с нами что-нибудь случится, а ему понадобится знать.

Марина кивнула.

– Понимаю. Я запомню.

– Бен рано лишился родителей. Они оба работали на бобовом стебле – знаете, космический лифт? На Западе-17. Они находились в передвижной мастерской за пределами атмосферы. Произошла утечка воздуха, декомпрессия. Если подумать, еще поколение назад подобная авария была совершенно невозможна. Их сын оказался в детском доме, где я раньше работала. Но мы с Джорджем уже подыскивали место вроде этого, и оказалось, что родители Бена планировали откладывать деньги, чтобы потом уволиться с работы и отправиться куда-нибудь. И мы подумали, почему бы не дать Бену жизнь, которую желали его родители? И мы подали документы на усыновление…

И на последних этапах их отчаянного ожидания Лобсанг, оставаясь в тени, нарушил целую кучу правил, пока Агнес терзалась сомнениями, сможет ли она, робот, заменить мать трехлетнему мальчику.

– И вот вы здесь, – сказала Марина и чокнулась стаканом с Агнес. – И я, например, рада знакомству. Уверена, вы трое прекрасно со всеми поладите.

– Вместе с кошкой – четверо, – улыбнулась Агнес. – Спасибо, Марина.

– Слушайте, мы идем на охоту за пасхальными яйцами. Послезавтра на рассвете.

– Охота за пасхальными яйцами?

– Так мы ее называем. Я знаю, что до Пасхи еще далеко. Приходите и увидите. А теперь не можем же мы допустить, чтобы все веселье досталось нашим мужьям…

Глава 11

Охота за пасхальными яйцами намечалась на утро одного из последних дней уходящего лета – пятого для Агнес в этом лесу.

Выходили на рассвете, как и говорила Марина. Как жена фермера, Агнес уже привыкла вставать рано, но проснулась с головокружением, странно дезориентированная.

Ее искусственное тело нуждалось в пище и питье, из которых извлекало различные биохимические вещества. И оно было запрограммировано на перерывы каждую ночь, похожие на настоящий сон, заполненный искусно смоделированными сновидениями. Если бы эти особенности уже не были запрограммированы, она бы на них настаивала. Как можно даже с натяжкой считать себя человеком, если ты не ешь и не спишь? После шестнадцати лет в новом теле и различных модернизаций аппаратного и программного обеспечения она достаточно хорошо знала себя, чтобы понять: эти странные ощущения никак не связаны с ранним подъемом или непривычной пищей, которую она ела с момента прибытия, или даже с самопальным виски, которое пила на танцах. Нет, это больше походило на синдром смены часовых поясов: скверна современной жизни, к которой она всегда была чувствительна и потому избегала длинных путешествий. Или на легкую дезориентацию, которую она всегда испытывала, когда переводили на час местное время.

И еще слабое, но устойчивое чувство тревоги.

Агнес занялась обычными утренними делами. Приняла душ в гондоле – тоже очень почеловечески, оделась и наскоро позавтракала, все время стараясь игнорировать легкую тревожность. Она не желала просить Лобсанга проверить ее системы через автоматическую самодиагностику. Ведь она старалась жить как настоящий человек.

Она даже не хотела знать, который час. По крайней мере, здесь такие правила.

Это был один из принципов местной общины, о котором их поставили в известность еще до приезда, – никаких часов. По крайней мере механических, и уж точно никаких электронных… Если очень хочется, можно сделать солнечные часы. Философия заключалась в том, что если жизненные ритмы настолько близки к природным: солнечным, лунным, суточным, сезонным, то нет нужды отслеживать каждую миллисекунду. Если вы не собираетесь управлять трансконтинентальной железной дорогой или чем-то подобным, вам не нужно знать точное время. В первую очередь именно для этого, как сейчас узнала Агнес, страны вроде Америки девятнадцатого века создали упорядоченную национальную систему исчисления времени. Именно особенности такого рода и привлекли сюда Лобсанга – возврат к изначальному образу жизни. Он охотно принял эту идею. Они не взяли часов! Лобсанг даже немного отрегулировал настройки таймеров в их искусственных телах и в системах гондолы. Конечно, таймеры необходимы для поддерживающих их тела механизмов, но теперь они не могли получить к ним сознательный доступ.

Это был их выбор. Однако сейчас Агнес, которой не давало покоя странное ощущение сбоя суточных ритмов, в глубине души все-таки жаждала просто узнать точное время.

* * *

Она собрала вещи для прогулки: ботинки, сумку с едой, легкий непромокаемый плащ, фальшивый переходник. Поприветствовала соседку Энджи Клейтон, мать-одиночку, которая согласилась посидеть с еще не проснувшимся Беном несколько часов, пока продолжается «охота». Когда они вышли из гондолы, снаружи ждали Оливер Ирвин с Лобсангом. Охотников собралось около дюжины, в том числе Оливер, Марина и Никос, их смышленый, хоть и

необычно скрытный двенадцатилетний сын. По-видимому, Никос в их компании был самым младшим – маленьких детей не взяли.

Похоже, в это утро больше никто не испытывал проблем, в том числе Лобсанг, – а если испытывал, то не спешил поделиться с ней. Она попыталась сосредоточиться на текущем моменте, отбросив все остальное.

Оставив гондолу, они спускались с холма к броду через ручей. Оливер Ирвин шел с Лобсангом и Агнес, обращая их внимание на пейзажи – темную зелень под сероватым рассветным небом, с затягивающим низины туманом.

– Среди нас нет основателей, но мы привыкли к названиям, которые дали они. Ваше хозяйство расположено на холме Мэннинг, здесь это самая высокая точка. Ручей называется Соулсби. Большая лесная чащоба, куда мы идем, через ручей и на север, это лес Уолдрон. Особенности ландшафта так или иначе сохраняются на несколько переходов на запад и восток. Когда вы отправляетесь исследовать Долгую Землю, ее география – штука упрямая. – Он потрепал сына по голове. – Правда, Никос?

Агнес подумала, что для такого обращения Никос слишком взрослый. Он увернулся, смущенно усмехаясь.

Агнес решила, что распознала тип Оливера. Он и его жена Марина не могли считать себя главами этой общины, сознательно не выбиравшей руководителей, но они были чем-то вроде общественного стержня, посредниками в общении с новенькими. Что ж, кто-то должен выполнять эту роль.

– Никос, так где же старый дом Паульсонов? – спросила Агнес.

Никос пристально взглянул на нее.

– Большой старый участок на дальней стороне вашего холма. Что вы о нем знаете?

– Ничего. Только то, что говорила твоя мама, – вы там временами пропадаете. Это секрет?

– Черт, нет.

– Никос, следи за языком, – беззлобно заметил его отец.

– Просто место, где мы пропадаем. Как вы и сказали.

– Ладно.

Они дошли до ручья и перебрались через неглубокий брод. Над водой висел слабый колючий туман. На другом берегу они по одному или по двое перешли на восток. Цель их «охоты» находилась недалеко в последовательных мирах. Агнес убедилась, что ее возня с переходником выглядит правдоподобно, хотя технология была встроена в ее тело. Переходы почти не прерывали беседу. Все оказалось так, как ей говорили: центром Нью-Спрингфилда всегда оставалась община на Западе-1217756, люди с легкостью перемещались между соседними мирами, если возникала такая необходимость или желание.

Когда они снова собрались вместе, Оливер сказал:

– Что касается дома Паульсонов. Мы используем его как склад-обменник. В остальное время там никого нет.

– Кроме местных призраков, если верить вашей жене.

Оливер усмехнулся.

– В каждом городе должен быть свой дом с привидениям. Даже если город едва ли можно так назвать. Полагаю, вы правильно спросили. Если ваш Бен будет расти как другие дети, он очень скоро будет там валять дурака с остальными…

Его голос стал приглушенным, когда они вошли в гущу леса. Агнес, еще стоявшей посреди открытого пространства, лес показался зеленой стеной, за которой эхом раздавались негромкое уханье и крики.

– Ладно, – сказал Оливер. – Теперь надо идти тихо, чтобы не спугнуть малюток.

Его спутники – мужчины, женщины, дети – все как один разбежались в стороны под деревья, доставая из сумок сети и силки. Без разговоров, работая почти бесшумно, они принялись устанавливать ловушки или занимать позиции под ветвями, держа в руках сачки для бабочек, как показалось Агнес. Некоторые ушли глубже в лесные дебри – видимо, проверить ловушки, поставленные раньше.

По мере того как приближался восход и становилось светлее, Агнес начала различать под деревьями подлесок, похожий на папоротники и хвощи, – густую массу кустарников и цветущих растений, над которыми жужжали ранние пчелы. Ее охватил первобытный страх перед этими дремучими зарослями.

– Вы хорошо знаете лес? – спросил ее Оливер.

– Я городская девочка. Я даже не знаю большинство этих деревьев.

Он улыбнулся.

– Ну некоторые – вариации тех, что растут на Базовой Земле. Или росли когда-то. Некоторые – нет. – Он стал показывать: – Лавр, грецкий орех, кизил. Это, я думаю, что-то вроде карликовой секвойи. Вон те с обнаженными корнями – лавры. Вьющиеся – в основном жимолость и фикусы-душители, но мы встречали и виноградные лозы…

Из переплетения лиан выскочило маленькое существо и побежало по открытому пространству – наверное, к воде. Оно не успело уйти далеко – Никос тут же набросил на него сачок.

Мальчик подобрал бьющееся маленькое животное и резким, уверенным движением свернул ему шею. Затем выудил добычу из сачка и, подняв вверх, потряс перед отцом. В длину около фута, с несоразмерно большими задними лапами, животное показалось Агнес похожим на кенгуру. Оливер улыбнулся сыну и показал большой палец.

Это будто стало сигналом к действию. Животные начали выскакивать еще, одно за другим, взбираться на деревья и бегать по веткам или по земле и даже планировать в воздухе при помощи похожих на крылья кожаных мембран. Большинство животных оставались вне досягаемости или убегали быстрее, чем реагировали охотники, но некоторые попадали в сачки и ловушки на земле.

Скоро перед Агнес выросла маленькая кучка тел, и она уставилась на странных существ. Это были местные пушистики, как называли их колонисты. Одни казались искаженными версиями знакомых ей созданий – белок и опоссумов, а другие были ни на что не похожими, будто их придумали для какого-то фильма про чудовищ. Ее поразили детали – полосатый мех, застывшие открытые глаза, каждое животное было по-своему совершенным, даже мертвое. Хорошо хоть, что добыча охотников оказалась незначительной: наверняка пушистики настолько многочисленны, что их обширной популяции не нанесено ущерба.

Из тумана на востоке вырвался столб солнечного света.

Оливер, затенив глаза ладонью, посмотрел в ту сторону.

– Солнце полностью взошло. Представление окончено. Рассвет – лучшее время, чтобы ловить этих созданий. Вы видели их: они все малютки и не слишком красивые. Полагаю, такова цена эволюции в густом лесу. Все они питаются насекомыми, а не плодами или листьями. Мы думаем, это потому, что деревья вечнозеленые и не сбрасывают листву. Листья становятся для пушистиков ядовитыми или невкусными, и они их не едят. Все пушистики выходят на охоту рано, как только вылетают насекомые, а холоднокровные существа – ящерицы, лягушки, жабы – еще вялые после ночной прохлады. А в полдень найти пушистика трудно. – Он посмотрел вверх на лесной полог над головой. – Мы не знаем, кто еще живет в лесу, в смысле, все виды. Мы только изучили их повадки, поэтому можем их ловить. А по ночам, понимаете, здесь из тьмы выходят совершенно другие создания. Мы слышим, как они ухают. Никто ничего о них не знает. Возможно все что угодно.

– И тролли, – с улыбкой произнес Лобсанг/Джордж. – Я слышал их прошлой ночью, и раньше тоже. Зов.

– Да. Хорошо знать, что они здесь, правда? А теперь идемте. К слову о больших птицах, Марина обещала вам охоту на пасхальные яйца. Надо зайти в лес чуть дальше… Эй, Никос, ты нашел это гнездо, не хочешь нас проводить?

* * *

В глубине леса оказалось не так плохо, как боялась Агнес. Самой большой трудностью было рассмотреть, куда ступать в сумраке. Землю покрывала спутанная трава, в основном не выше колен. Агнес была рада, что впереди идет Никос, опытный и молчаливый, а по бокам – Оливер и Лобсанг.

Они пришли на небольшую поляну и, присев на корточки в траве, стали смотреть и ждать. На земле, у подножия кряжистой секвойи, Агнес увидела массу из веток и почвы, назначение которых было очевидно, даже при таких размерах – футов шесть в поперечнике.

– Это птичье гнездо, – выдохнул Лобсанг.

– Какая-то чертовски большая птица, – сказала Агнес. – Не удивительно, что у них ушло столько времени. Нужно было убедиться, что матери нет поблизости.

– Точно, – ответила Шими.

Агнес вздрогнула, когда снизу раздался тихий женский голос. Она быстро огляделась: охотники находились довольно далеко, чтобы услышать, как разговаривает домашняя кошка.

– Какого черта ты тут делаешь?

– Шла по следам охотников. Я не могла не прийти сюда. Я же кошка. За исключением завезенных кур, эти крупные мамаши – единственные птицы, которых обнаружили в этом мире…

Оливер смотрел в их сторону. Он заметил кошку, но, к счастью, не слышал, как она говорит. Усмехнувшись, он тихо позвал:

– Эй, киса, так ты нашла гнездо? Что ж, это мир, в котором птицы гоняются за кошками, поэтому тебе следует поостеречься.

Лобсанг взял Шими на руки.

– О, она поостережется.

– Думаю, все чисто, папа, – сказал Никос.

Оливер некоторое время прислушивался, поворачиваясь во все стороны.

– Ладно. Быстро и осторожно.

Никос вскочил на ноги, бросился через поляну к гнезду и, в последний раз оглядевшись, обеими руками достал из гнезда яйцо. Оно было два фута в длину и наверняка тяжелое. Никос уложил его в сачок, повесил через плечо и побежал обратно к отцу.

Оливер помог сыну крепче связать яйцо и улыбнулся Лобсангу с Агнес.

– Сделаем из него классный омлет. Но мы собираем яйца не ради еды. Видите, эти птицы гнездятся на земле. Каждый раз, когда мы находим такое гнездо, это значит, что птицы бродят слишком близко от наших лагерей и охотничьих угодий. Надо держать их подальше от детей. Поэтому мы забираем яйца, и, если повезет, мать тоже уходит. Никаких проблем, разве что…

Никос пригнул голову отца и прошептал:

– Разве что птицы поймают нас.

Пригнувшись как можно ниже, Агнес заметила движение в глубине леса, между деревьями: на двух огромных ногах шло существо выше человека, с массивным туловищем, сильной шеей, мощным клювом. Переливающиеся синие перья покрывали поразительно маленькие крылья. По-видимому, птица сама была охотником, она ступала удивительно тихо, круглые глаза над грозным клювом всматривались в заросли.

– Итак, – пробормотала Агнес тихо, чтобы ее услышали только Лобсанг и Шими, – когда пушистики вылезают охотиться на насекомых, вот это выходит охотиться на пушистиков.

– Похоже на гасторниса, – негромко ответила кошка. – Хищная нелетающая птица из палеоцена…

– Тише, – сказал Лобсанг. – Не хочу узнавать о ней вот так. Вспомните, мы пришли в этот мир жить, а не изучать его.

– И тем самым отрицать реальность, – заметила Шими.

– Что отрицать? – удивилась Агнес. – Какую реальность?

– У меня тоже проблемы со сном, Агнес. Как будто день какой-то слишком короткий. И становится короче.

Агнес встрепенулась.

– Слишком короткий? Что это может означать?

Но Шими больше ничего не сказала.

Птица исчезла из виду, видимо, еще не зная, что ее гнездо разорили. Оливер с Никосом молча встали и, таща сеть с яйцом, направились обратно в лес, жестом велев Агнес и остальным идти за ними.

Лобсанг поднялся. Агнес ничего не оставалось, как последовать за ним.

Глава 12

Укрывшись от жаркого солнца Майами в тени недостроенного завода по производству жидкого водорода, Стэн Берг играл в покер со строителями.

В 2056 году, через два года после прибытия Лобсанга и Агнес в Нью-Спрингфилд, Стэну исполнилось шестнадцать. Целью этого поселения, сильно преобразившегося Майами-Запад-4, было сооружение космического лифта, лестницы в небо. Но строительство бобового стебля Линдси простаивало уже несколько недель. Людям было совершенно нечем заняться. И вот, сидя за столом в окружении бобовых джеков ТКДЗ как минимум вдвое старше его – некоторые демонстративно надели каски, хотя не работали уже много дней, – Стэн спокойно играл, сбрасывал карты, когда нужно, и раз за разом выигрывал.

Рокки Льюис, ровесник Стэна и его друг или соперник с самого детства, стоял сзади и вместе с остальными от нечего делать следил за игрой. Некоторые зрители облокотились на самодельные таблички с лозунгами против увольнений и приостановки работ.

Рокки с тревогой наблюдал, как перед Стэном росла кучка осколков керамического корпуса космического корабля, которые использовали в качестве фишек.

Другие игроки тоже начали замечать. Рокки уже видел все это раньше. После каждой раздачи добродушие и снисходительность к умному пареньку сменялись досадой на проигрыш, а затем подозрением насчет шулерства. Сдающим был худой молодой парень в сдвинутой на затылок фетровой шляпе, которого Рокки знал только по имени – Марвин. Насколько Рокки знал, Марвин здесь не работал, он был кем-то вроде профессионального игрока и тоже начал приглядываться. Рокки знал, что Стэн не жульничает. Просто он чертовски умный. Стэн говорил, что ему нравятся игры, где требуется блефовать, как в покере, потому что в отличие от, например, шахмат там нет простого, логического способа прийти от заданной начальной точки к победе, а требуется больше утонченности.

Но в выражении лица мужика, сидевшего справа от Стэна, не было ничего утонченного, поскольку его фишки в очередной раз оказались перед Стэном.

Марвин осторожно начал раздавать карты, а Рокки наклонился и дернул друга за рукав.

– Эй, приятель. Может, пора убираться отсюда?

– Почему?

– Ну-у, знаешь, школьные дела.

– Сегодня нет занятий.

Это правда, учитель опять не явился, но другим об этом знать не обязательно. Стэн был очень умным, но в ситуациях вроде этой умудрялся совершать элементарные ошибки.

– Идем. – Рокки встал. – Обналичивай свои фишки.

Но в ответ на это мужик справа схватил Стэна за руку пальцами, похожими на зубцы молотка-гвоздодера.

– Никуда ты не пойдешь, мелкий мошенник. Только не с моими бабками в кармане.

Остальные игроки замерли. Рокки с облегчением заметил, что никто не потянулся под стол за спрятанным оружием. Это рабочие космической промышленности, а не киношные гангстеры. Но один или два зрителя с края толпы с легкими хлопками перешли подальше от неприятностей, оставив на периферии зрения Рокки ускользающие вспышки.

– Отпустите его, – сказал Рокки. – Слушайте, он один из вас. Он ученик, как я. Его родители работают на ТКДЗ.

– Так, может, это они научили его жульничать в карты, а?

Сдающий, Марвин, поднял руки.

– Народ, пожалуйста. У нас тут просто дружеская игра. – Он внимательно смотрел на Стэна. – Я знаю, что он не жульничает. Он слишком умен для этого. Ему не нужно жульничать. Признай, Алексей, просто он играет лучше тебя. Бывает.

Каким-то образом эти спокойно сказанные слова разрядили напряжение. Марвин, казалось, обладал естественным авторитетом, как взрослый среди ссорящихся детей, – сразу успокаиваешься. По наблюдениям Рокки, арбитры, местные добровольные миротворцы, тоже могли быть такими.

Но Алексей по-прежнему кипятился, не отпуская руку Стэна, а еще сильнее сжимая.

– Тупой сопляк, вот кто он.

Стэн, хоть и умный, был маленьким, смуглым и худым для своего возраста. Ему не хватило бы сил вырваться. Он стиснул зубы, когда хватка на руке стала причинять боль. Рокки затаил дыхание. Все еще может закончиться плохо для Стэна. Послышались предложения позвать арбитров.

Но вдруг кто-то крикнул:

– Эй! Там кобольда поймали! На заводе ноль-два. Идем посмотрим…

Толпа вокруг стола стала рассасываться, устремившись к новому развлечению. Марвин собрал карты.

– Народ, сохраните свои фишки, рассчитаетесь между собой, когда будете готовы.

Воспользовавшись моментом, Рокки выдернул руку Стэна из пальцев Алексея и рывком поставил друга на ноги.

– Валим отсюда.

Даже сейчас Стэн широко улыбался, хотя и поморщился, когда тер руку.

– Только выигрыш заберу.

Он смел фишки в мешочек, который носил под переходником.

Марвин подмигнул ему.

– Удачи с обналичиванием.

Стэн пожал плечами.

– Будут и другие игры. Увидимся.

– О да, – сказал Марвин. Его ответ показался Рокки странно загадочным.

* * *

Оказалось, что кобольд, искаженное подобие человека, попал в ловушку в другом конце стройплощадки бобового стебля, в бетонной коробке, которая должна была стать хранилищем жидкого кислорода. Следуя за толпой, Рокки и Стэн потрусили в ту сторону.

Только что наступил полдень. Рокки подумал, что если не присматриваться, то можно увидеть лишь людей на наскоро осушенной и расчищенной грязной равнине, окруженной в основном безлюдными местами. Но с пустынной равнины прямо в ослепительное выцветшее небо весенней Флориды возносился бобовый стебель, отмеченный флажками и прикрепленный к прочному бетонному блоку, который являлся временной базовой станцией. Идеально прямая двойная нить цвета электрик с отчетливым уклоном поднималась вверх к орбитальному якорю и терялась в слепящем свете.

Большинство соседних Флорид были необитаемы, по крайней мере на Ближних Землях, подобных этой. На последовательных Северо-Американских континентах существовали места более пригодные для развития новой колонии. И даже не слишком близко к побережью, в отличие от мыса Канаверал на Базовой. Рокки однажды ездил туда, чтобы посмотреть на приходящий в упадок космодром, с которого в небо вулканической зимы после извержения Йеллоустона еще запускали метеорологические и коммуникационные спутники. Но география была такой же, как и во всех мирах. В тысячах последовательных континентальных Соединен-

ных Штатов Флорида была ближе всего к экватору, а для успешных космических проектов это важно из-за ускорения, придаваемого вращением Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.